

ДЖОН ХАРТ

ЧУЖАЯ ВОЛЯ

ПРОДАНО БОЛЕЕ 2 500 000 КНИГ АВТОРА
НА 30 ЯЗЫКАХ В 70 СТРАНАХ МИРА

Джон Харт. Триллер на грани реальности

Джон Харт
Чужая воля

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Харт Д.

Чужая воля / Д. Харт — «Эксмо», 2021 — (Джон Харт. Триллер на грани реальности)

ISBN 978-5-04-169131-8

Единственный писатель в истории, дважды подряд получивший одну из главных остросюжетных литературных наград — премию Эдгара Аллана По. Продано более 2 500 000 книг автора на 30 языках в 70 странах мира Он прошел войну и стал героем, пережив много лишений и страха. Но настоящий кошмар ожидал его дома... Их было трое — родных братьев. Старший, Роберт, ушел на Вьетнамскую войну — и не вернулся. Средний, Джейсон, вернулся — но угодил на три года за решетку за хранение наркотиков. Младший, Гибби, только собирается идти воевать по призыву. И тут из тюрьмы выходит Джейсон... Гибби нравится проводить время с братом. Родители запрещают ему это, не желая, чтобы с их младшим сыном случилось что-то плохое. Но от судьбы не уйдешь... Братья едут на пикник с виски и девушками. А через несколько дней одну из этих девушек — подругу Джейсона — зверски убивают. Джейсона арестовывают. Но Гибби не верит в виновность брата — за последнее время он слишком хорошо узнал его — и начинает сам докапываться до правды. И выясняет, что в прошлом Джейсона скрыто такое количество жутких секретов, что будущего у брата, скорее всего, уже не будет... Джон Харт — одна из самых ярких звезд современного мирового триллера. Все его книги без исключения стали бестселлерами «Нью-Йорк таймс». Харт — уникальный случай в истории остросюжетной литературы: он два раза подряд получал одну из самых престижных премий в жанре — «Эдгара» за лучший роман. Единственный писатель в истории, дважды подряд получивший одну из главных остросюжетных литературных наград — премию Эдгара Аллана По. «Джон Харт создает романы одновременно грубые, нежные, жестокие и изысканные. Исключительная вещь». — Си Джей Бокс «Джон Харт пишет о насилии ярко и с пугающей страстью. В то же время он мастерски описывает сложности семейных отношений. А его злодей попадет в любой Топ-2». —

Джон Сэндфорд «Всякий раз, когда я думал, что разгадал сюжет, очередной поворот приводил меня в замешательство». — The Guardian «У романов Джона Харта сумасшедшая динамика». — Дэвид Болдаччи «Джон Харт — подлинный мастер повествования». — Харлан Кобен «Если вы ищете триллеры, одновременно прекрасные, графичные и жесткие, — берите романы Джона Харта». — Патриция Корнуэлл

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-169131-8

© Харт Д., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

1	7
2	11
3	19
4	29
5	42
6	44
7	53
8	55
9	63
10	68
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Джон Харт

Чужая воля

Томми Добсону – человеку, достойному восхищения

*Мы были подневольными, которые под началом некомпетентных
убивали обездоленных и умирали за неблагодарных.*

Неизвестный солдат

John Hart

The Unwilling

THE UNWILLING Text Copyright © 2021 by John Hart. Published by arrangement with St. Martin's Publishing Group. All rights reserved.

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1

Дэниел Рид много чего знал про бывших копов – в том числе и то, что коп так до конца и не умирает в тебе, когда тебя отправляют в отставку, увольняют по медицинским показаниям или просто вышибают под зад коленкой за курение травы. Вроде уже четвертый год машет метлой на автовокзале, а вот поди ж ты – все-таки ощутил знакомое жжение где-то под воротничком, эдакое покалывание кожи, заставившее оторвать взгляд от ведра с грязной водой и растрескавшихся плиток пола под ногами.

Поначалу он пригляделся к какому-то молодняку. Те развалились на скамейке, поддатые и шумные, но дело было явно не в этом. Дальше настала очередь семейных пар с детьми и компашки хиппи, потом каких-то стариков, беременной женщины и солдат в форме. За стеклом у посадочной платформы чадил выхлопом двести пятнадцатый из Роли, а с десятков пассажиров дожидались своего багажа, пока старина Мак, обливаясь потом на жаре, вытаскивал чемоданы из багажного отсека и выстраивал их в ряд на платформе. Для Дэниела это был лишь один из тысячи точно таких же дней в маленьком южном городке, уставшем от войны. Совершенно неизбежно глаза его остановились на симпатичной девчужке в желтом платьице. Наверное, лет восемнадцати, с потрепанным чемоданчиком, в кожаных туфельках, уже начинающих просить каши. Он то и дело наблюдал за ней уже около часа – неспешные переходы от одной стены к другой, плавные развороты, склоненная набок голова... Сейчас та застыла совершенно неподвижно, слегка раздвинув губы.

Проследив за ее взглядом, в полутемной нише у выхода на платформу Дэниел заметил какого-то молодого человека. Угловатый, поджарый, тот остановился футах в пяти от двойных дверей и уже довольно долго стоял там, изучая людей в зале. Вьетнам, первым делом подумал Дэниел, причем явно недавно оттуда. Что-то было в том, как именно тот стоял, в этой его настороженности. Когда парень наконец шагнул на свет, Дэниел смог получше его рассмотреть: футболка «Лед зеппелин», выступающие скулы, ремень из черной кожи, бирюзы и потемневшего серебра... Когда тот прошел мимо, подметая пол под старыми высокими ботинками клешами линялых джинсов, от него пахло дизельным выхлопом и табаком. «Детектив...» – бросил на ходу парень, едва заметно склонив голову, но Дэниел быстро отвернулся, стыдясь того, что он старый, обкуранный, да и давно уже никакой не коп. Выждал, пока стеклянная дверь на пружине не выстрелит в зал ярким солнечным бликом, а потом попросил у билетной кассирши разрешения воспользоваться телефоном. Та придвинула к нему аппарат, и он набрал номер, который помнил наизусть с давних времен. Спросил детектива, фамилия которого тоже еще не стерлась из памяти.

– Минутку!

На линии воцарилась тишина, а Дэниел продолжал наблюдать за молодым человеком, который только что пересек оживленное шоссе, перейдя под конец на тротуар и на миг скрывшись за возмущенно рявкнувшей сигналом фурой. В ярком солнечном свете его железная стать с обилием острых углов еще больше бросалась в глаза: бедра, плечи, угол подбородка... Стрельнув взглядом через плечо, парень опустил на глаза солнечные очки.

«Вот жопа», – подумал старый коп.

«Просто... жопа».

* * *

Детектив Френч ответил на звонок, присев за письменный стол своего напарника.

– Френч, – произнес он, после чего немного послушал. – По-моему, вряд ли...

Послушал немного еще, а потом поблагодарил звонящего и повесил трубку.

Бросил взгляд на знакомые черты лица напарника. Они с Кеном Барклоу работали вместе уже двадцать лет, и у обоих практически не было секретов друг от друга. И вот теперь одному из таких крайне немногочисленных секретов предстояло выплыть наружу.

– Джейсон в городе. Это Рид, с автовокзала.

– Да Рид уже окончательно сторчался...

– Не настолько сторчался, чтобы не узнать моего старшего сына.

Барклоу откинулся на стуле, с жестким лицом, явно недовольный.

– А я-то думал, Джейсон все еще в тюрьме...

– Уже в какой-то общаге службы социальной адаптации в Роли. Семь недель как.

– И ты даже не подумал сказать мне, что он освободился?

– Мне нужно позвонить жене.

Френч покрутил диск, глядя, как играющие на лице напарника эмоции сменяют друг друга. Обида. Тревога. Злость.

– Не отвечает!

– Думаешь, он двинет домой?

– Только не после того, как все тогда закончилось.

– Откуда такая уверенность?

– Он не станет устраивать такого своей матери. Только не после того последнего раза.

– Тебе, конечно, видней, но все же подумай хорошенько. Вьетнам. Тюрьма. Черт его знает, на что он способен... Ты ведь слышал все эти истории.

Френч с силой провел ладонью по лицу, безрадостно вздохнул.

«Двадцать девять уничтоженных солдат противника... Двадцать девять официально подтвержденных узаконенных убийств...»

Вот что первым делом приходило на ум, если говорить обо всех этих историях: двадцать девять трупов в первый же год службы.

Набрав еще несколько номеров и выслушав одни и те же ответы, он повесил трубку.

– У соседей ее нет, у подружек тоже.

– А как тогда насчет Гибби? Если Джейсон пойдет не домой...

Фраза осталась неоконченной, и Френч подумал про Гибсона, своего младшего сына.

– Гибби в школе. За него можно не переживать.

– Ну-ну. А как же День прогульщика?

Френч быстро подсчитал в уме и понял, что напарник прав. День прогульщика стал традицией еще с первого года призыва. Последние три пятницы перед выпускными экзаменами старшеклассники забивали на школу и отправлялись на заброшенный карьер к югу от города. Учителя закрывали на это глаза, полиция тоже. Гибби наверняка сейчас там – он просто *должен* быть там, как и все остальные. Такое вот прощание с детством в свете войны в каких-то долбанных заморских джунглях...

– Давай-ка лучше я загляну на карьер. – Барклоу встал. – А ты пока разыщи жену и сообщи ей, что Джейсон в городе. И вот что – с ходу не оглоушивай. Подготовь ее.

– Я должен сам со всем этим разобраться.

– Не дури. – Барклоу влез в куртку, проверил табельное оружие. – Даже Супермен не может находиться в двух местах одновременно.

* * *

Уильям Френч не был гением, и у него хватало ума понимать это. Если он и добился чего-то в жизни, то в первую очередь благодаря уравновешенному и твердому характеру – целеустремленный человек, который стал лучшим копом, чем ему полагалось по праву. То же

самое и с его браком. Габриэла была слишком хороша для него еще тогда, когда они только познакомились, и по-прежнему оставалась не парой ему в тот день, когда они поженились. Он как-то спросил у нее, как это выпускница Вандербильта¹ с дипломом по английской литературе, заливавшая светом каждую комнату, в которую только входила, могла вообще связаться со студентом-недоучкой из заштатного колледжа, вот уже три года работающего там, где его могли в любой момент убить. В ответ она чмокнула его в щеку, приложила ему руку к сердцу и произнесла: «Больше меня вообще никогда об этом не спрашивай!» Три сына и тридцать лет спустя Габриэла по-прежнему оставалась даром небес – даром всей его жизни, – но одного сына она уже потеряла.

«А теперь еще вот это...»

Френч остановил машину напротив своего дома и подумал, как это часто случалось, насколько пустым тот кажется. И это тоже имело непосредственное отношение к войне. Похоронив своего старшего сына, теперь они наблюдали, как его брат-близнец вернулся с того же самого конфликта, только чтобы неуклонно скатываться на дно по стремительно сужающейся круги спирали – насилие, наркотики, тюрьма... В этом смысле Вьетнам убил уже двоих из трех их сыновей: Роберта – пулей в сердце, а его брата – куда более изощренным способом. Джейсон никогда не говорил о том, чем занимался, служа своей стране, но у Барклоу имелся один друг в Министерстве обороны. Тот отказался сообщить подробности, но как-то обмолвился, что была война, и была ВОЙНА, и что Джейсон воевал как раз на последней.

– Габриэла?

Тишина в доме была хорошо знакома по всем этим годам, наполненным горем, – в несуровно большом доме, какие-то части которого были словно вырезаны напрочь. Приближаясь к спальне, Френч услышал звук льющейся воды и остановился перед приоткрытой на дюйм дверью ванной комнаты.

– Дорогая?

Габриэла лежала в ванне в полной темноте, но он мог различить ее силуэт на фоне кафельной плитки.

– Не включай свет!

Френч убрал руку от выключателя, гадая, знает ли она уже или же только предполагает. Когда глаза привыкли к темноте, он более ясно различил ее очертания. Вода поднялась до лобовики между ее грудями, руки обхватывали колени.

Не оборачиваясь, Габриэла произнесла:

– Это из-за него ты здесь?

– Ты о чем?

Тут она склонила голову набок, в нацеленном на него глазу мелькнул яркий огонек.

– Ты не являлся домой средь бела дня с тех самых пор, как мы только поженились. Я спрашиваю: ты здесь из-за Джейсона?

Френч с несчастным видом вздохнул.

– Кто тебе сказал, что он вернулся?

– Мэрион звонила. Она видела его на площади. Волосы у него теперь длиннее, но она сразу узнала его. Сказала, что он бледный, что тюрьма стоила ему добрых двадцати фунтов веса.

– Я с этим разберусь, Габриэла, обещаю.

– Гибби наверняка захочет повидаться с ним, провести время...

– Я этого не допущу.

---

¹ *Университет Вандербильта* – престижный частный университет, находящийся в Нэшвилле, штат Теннесси. Основан в 1873 г. на деньги Корнелиуса Вандербильта, одного из богатейших и успешнейших предпринимателей США XIX в., основателя плутократического рода Вандербильт. *Здесь и далее – прим. пер.*

– И как же ты этого не допустишь?

– Габриэла...

– Он опасен, Билл! Он опасен для нашего сына. Неужели ты этого не видишь? Неужели не чувствуешь?

Френч опять вздохнул и опустился возле ванны на колени. Габриэла честно пыталась найти место в своем сердце для человека, которым стал Джейсон, но тот отнюдь не пытался облегчить ей эту задачу. Героин. Тюрьма. Влияние, которое он оказывал на Гибби. Пока Джейсона не осудили, единственное, чего хотелось Гибби, это постоянно таскаться в тени своего старшего брата, расспрашивать про морскую пехоту, про войну и про то, не стоит ли и ему самому завербоваться во Вьетнам.

– Послушай, – сказал Френч. – Я просто хотел лично сообщить тебе, что Джейсон опять здесь, и пообещать, что я поберегу Гибсона.

– Небось, считаешь меня дурочкой? Взбалмошной, помешанной на опеке дурочкой?

– Ни в коем случае.

– Будь ты матерью, ты бы понял.

– Джейсон в жизни не причинит вреда своему брату.

– Намеренно – да. Не по злобе.

Остальное супруга оставила недосказанным, но он понял ее более глубокие страхи, ее беспокойство касательно того, что Джейсон способен развратить брата, вовлечь его во что-нибудь противоправное, заложить ему в голову опасные мысли.

– Гибби сейчас не в школе, – добавила она. – Ты вообще в курсе?

– Да, День прогульщика. Сейчас он наверняка на карьере со своими друзьями. Кен уже поехал его искать.

– А что, если Джейсон найдет его первым?

Френч отвернулся, чтобы не видеть страха в глазах жены. Гибби был для нее всем миром, а Джейсон – разрушителем миров.

– Я сейчас тоже туда съезжу, – заверил он. – Разыщу его.

– Поезжай уж, будь добр. Привези его домой.

Френч встал, но не вышел из ванной. Затолкал руки в карманы и опустил взгляд на макушку жены, на изгиб смутно белеющего сырого плеча, на очертания ее тела под покровом темной воды.

– Рано или поздно Гибсон все равно захочет повидаться с братом.

– Просто постарайся, чтобы это случилось как можно позже.

– Джейсон провел в тюрьме больше двух лет. Он отсидел свой срок.

– Важен только Гибби. Прости, Билл, но это так.

– А ты не хочешь хотя бы просто поговорить с ним?

– С Джейсоном?

– Да.

– Про что? – спросила Габриэла. – Про героин?

2

Для разных людей этот карьер означает разные вещи. Для меня это в первую очередь обрыв. Говорят, что от верхушки утеса до поверхности воды – ровно сто тридцать футов², и с воды это примерно похоже на истину: вздымающаяся ввысь стена гранита, серое небо над ней... Из-за этой сливающейся воедино серости утес кажется маленьким, и я знаю, что думают люди, лежа на воде на спине или глядя на него с узкого бережка на противоположной стороне карьера.

«Да я запросто это сделаю!»

Чем больше выпито, тем более уверенными в себе они становятся. Это всего лишь вода, говорят они себе, просто нырок. Чего тут сложного?

Но потом они поднимаются на самый верх.

Первый подходящий уступ – футах в шестидесяти над водой, и люди и вправду с него частенько прыгают. Хотя на следующий уступ поднимаются лишь совсем немногие. Там где-то футов восемьдесят, но почему-то кажется, будто он вдвое выше того предыдущего. Те же, у кого хватило духу добраться до самой вершины, обычно опасливо перегибаются в поясе и смотрят вниз с таким видом, будто за время их подъема наверх законы физики могли каким-то чудесным образом перемениться.

«Семьдесят миль в час в момент соприкосновения с водой...»

«Четыре полные секунды, чтобы оказаться там...»

С высоты тринадцати этажей вода кажется стальной плитой, и люди начинают вспоминать ранее слышанные истории: про какого-то мальчишку, который насмерть убился здесь в пятьдесят седьмом, про одного самоуверенного спортсмена-бейсболиста, который неудачно вошел в воду – да так, что его собственное колено врезалось ему в челюсть, раздробив ее на четыре части и снеся все зубы с правой стороны рта. Я уже сто раз такое видел. Парни бледнеют, а их подружки говорят: «Не делай этого, я просто пошутила!» Я не единственный, кто уже прыгал отсюда «солдатиком», ногами вперед – кое-кто тоже пробовал, – но только у одного-единственного человека хватило пороха прыгнуть с самой вершины «ласточкой», войдя в воду вытянутыми перед собой руками и головой, и этим человеком был мой брат.

Тот, которого уже давно нет в живых.

– Ну же, чувак! Если собрался прыгать, так давай уже прыгай, – голос у меня за спиной принадлежал моему лучшему другу. – Сам знаешь, что Бекки смотрит.

Я заглянул вниз в карьер и увидел Бекки Коллинз, плавающую на надутой автомобильной камере футах в ста от утеса. Она казалась совсем крошечной, как и все остальные, но больше ни на ком не было такого ослепительно-белого бикини. Ее голова была откинута назад, и мне показалось, что она смеется. Как наверняка и девчонка рядом с ней. Вокруг них на надувных матрасах и автомобильных камерах устроилась чуть ли не половина наших однокашников. Остальные маячили на дальней стороне карьера, или в лесу, или еще только подходили от машин, поблескивающих вдалеке, словно россыпь разноцветного стекла.

– Так будешь прыгать или нет?

Я отвел взгляд от воды достаточно надолго, чтобы уловить блеск в глазах Ченса. Парень он некрупный, но всегда готов дать в глаз любому бугаю, нахально подбить клинья к любой приглянувшейся девчонке...

– Может, она смотрит на тебя, – сказал я.

– Я не настолько тупой, чтобы прыгать с этой скалы!

---

² 130 футов – почти 40 м.

Интересно, подумал я, не в мой ли это адрес сказано. Я прыгал отсюда уже семь раз, но никогда не пытался войти в воду головой, и все там, внизу, знали это. Я торжественно поклялся сделать это до окончания школы, но то было два года назад, и я был зол, когда эти слова сорвались у меня с языка.

– Так ты думаешь, это я тупой?

– Я думаю, что ты рок-звезда.

– Маккартни или Джаггер?

Ченс одарил меня бесовской ухмылочкой.

– Это зависит от того, прыгнешь ты солдатиком или ласточкой.

Отвернувшись от своего друга, я подумал о том, что произойдет, если я неправильно врежусь в воду на семидесяти милях в час. Ребята подо мной принялись хором скандировать:

– Лас-точ-кой, лас-точ-кой!..

Когда такое проделал мой брат, то это было словно полет лебедя на фоне высокого бледного неба, и я по-прежнему частенько вижу это во сне: то, как он взмыл в воздух и на миг завис, а потом долгое падение – у меня дыхание замерло в легких, – и как его руки сошлись вместе буквально за миг до того, как он воткнулся в воду. Нас было всего трое, кто видел этот прыжок, но слух распространился быстро.

«Роберт Френч прыгнул ласточкой с Чертова уступа...»

«Не, ты слышал?..»

«Просто невероятно!»

На тот момент мировой рекорд высоты такого прыжка с дикой скалы был всего на пятнадцать футов больше, и принадлежал он какому-то парню из Аргентины. Но это был Шарлотт, Северная Каролина – в ту пору, в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом, еще совсем крошечный городишко. Это было пять лет назад, но в тот день в этом маленьком городке мой старший брат стал самым настоящим богом. Люди спрашивали его, зачем он это сделал и как, и задавали еще тысячи других вопросов, но лишь четверо из нас знали правду, которая действительно имела значение, и эта часть тоже частенько снится мне по ночам: то, как свет ударил Роберту в лицо, когда он вынырнул из-под воды, его глаза, которые казались более яркими и более живыми. «Выкуси, Вьетконг!» – сказал он тогда, и это было то, что знали лишь немногие из нас.

Роберта отправляли во Вьетнам.

– Я обязательно прыгну, – произнес я.

– Не свисти.

– На сей раз это произойдет.

– Ну валяй тогда.

– Бекки Коллинз, говоришь?

– Она полюбит тебя навсегда!

Я уже тысячу раз представлял себе этот прыжок и теперь чувствовал примерно то же самое: ветер в лицо, запах жары, пыли и далекого дождя. Я приподнялся на цыпочки, раскинув руки.

– Считай до трех.

– Погоди... Да ты чё?

– Без разговоров, хорошо? И без того стрёмно.

– Чувак...

– Что? – Я не отрывал глаз от обрыва.

– Чувак... Серьезно...

Что-то в его голосе показалось мне странным: нотка сомнения, или паники, или страха.

– В чем проблема, Ченс? Мы ведь уже здесь, так? До выпуска ровно две недели.

– Просто прыгни солдатиком, чувак! Это тоже будет считаться.

– Что, прости?

– Ты ведь знаешь, что на самом деле не сможешь это сделать, так? Не сможешь спрыгнуть так, как прыгнул твой брательник. – Ченс растерянно выставил перед собой ладони. – В смысле... Да ладно тебе! Мы ведь все это уже проходили, помнишь? Ты говоришь про это. Поднимаешься сюда. Но никогда на самом деле не прыгаешь башкой вперед.

– Но ты же меня подначиваешь! Говоришь мне, чтобы я сделал это!

– Потому что я и на секунду не думал, что у тебя настолько не хватает мозгов, чтобы действительно прыгнуть! Это же тринадцать этажей!

– Думаешь, я боюсь?

– Нет.

– Думаешь, я не смогу?

– Я думаю, что твоего брата все равно не вернешь, независимо от того, сделаешь ты это или нет.

Кровь отлила от моего лица.

Ченсу было на это плевать.

– Роберта больше нет, чувак! Он не увидит твой прыжок и не похлопает тебя по спине и не скажет: «Добро пожаловать в клуб!» Он так и будет лежать под землей на том кладбище, которое ты так ненавидишь. Он – по-прежнему павший герой, а ты так и останешься обычным пацаном-старшекласником.

Ченс был серьезен и встревожен – странная комбинация. Я отвел взгляд, и тут от подножия утеса донеслись насмешливые вопли, кто-то далеко внизу выкрикнул: «Ну давай уже, ссы-кун!» Я нашел взглядом Бекки Коллинз – коричнево-белую черточку. Она прикрывала глаза от солнца и не орала вместе с остальными.

– Думаешь, я разобьюсь, если прыгну?

– Думаю, что это не исключено.

– Роберт-то не разбился.

– Рука Господа, Гибби! Один шанс из миллиона.

Я продолжал наблюдать за Бекки, размышляя про Господа, удачу и своего погибшего брата. Представители корпуса морской пехоты говорили, что он получил одну-единственную пулю в сердце, и она убила его, прежде чем он успел хоть что-то осознать. Быстрая безболезненная смерть, сказали они, но я на это не купился.

– Два года назад я сказал, что прыгну ласточкой. Сказал всем там внизу, что сделаю это.

– Ты имеешь в виду, всем *этим*? – Ченс ткнул пальцем вниз, на воду, где теперь еще больше ребят вопили на отвесную стенку утеса. – Ты имеешь в виду Билла Мерфи, который как-то сказал Бекки прямо в лицо, что ты жалкий слабак, потому что твоя мамаша больше не разрешает тебе играть в футбол? Имеешь в виду его поганого братца? И этого тоже в жопу! Он чуть ли не весь седьмой класс плевал тебе в затылок жеваной бумагой! А как насчет Джессики Паркер или Дианы Фейрвей? Я приглашал обоих куда-нибудь сходить, и они только посмеялись надо мной. Ты их тоже особо не вдохновляешь, кстати... Они говорят, что ты слишком тихий, слишком не от мира сего, и что ты больно уж похож на своего погибшего брата. Послушай, Гибс, ты всем этим внизу абсолютно ничего не должен. Эта толпа там, под нами, вся эта публика... – Он ткнул пальцем вниз. – Просто пустоголовые показушники и самовлюбленные ничтожества. Они не знают тебя, да и вообще не хотят тебя знать. Может, разве что трое или четверо из них хоть чего-то стоят, и они единственные сейчас не вопят, чтобы ты поскорее убил себя.

Заглянув за край уступа, я увидел толпу самодовольных качков, тщедушных укурков и симпатичных девчонок в зеркальных солнечных очках. Большинство из них смеялись, ехидно улыбались или что-то орало мне.

«Ну давай же!..»

«Ласточкой!..»

«Ласточкой, сыкун ты несчастный...»

Все они собрались на своих плавсредствах в кучу, чтобы было лучше видно: мозаика из резины, гладкой загорелой кожи и клочков бикини, похожих на разноцветные паруса. Я прислушивался еще секунду, потом обвел взглядом небо, зазубренную скалу, далекую знакомую воду. Последней я посмотрел на Бекки Коллинз, которая с единственной подругой плавала отдельно от остальных. Она не двигалась, прижав одну руку ко рту, а другую к сердцу.

– Знаешь что, Ченс... – медленно произнес я. – Пожалуй, ты все-таки прав.

– Правда?

– Да, частично.

– В каком это смысле «частично»?

Я не любил бесполезную ложь, так что просто помотал головой, после чего отвернулся от края обрыва и двинулся к тропке, ведущей вниз. Ченс потянулся следом, все еще встревоженный.

– Чувак, погоди... Как это понимать?

Я хранил молчание, не желая делиться осознанием, которое он в меня заложил. Оно оказалось мощным и неожиданным и опьянило меня перспективой, которую я до сих пор даже не рассматривал.

«Только я один», – подумал я.

«Я поднимусь и прыгну отсюда, когда больше никого здесь не будет...»

* * *

Уже далеко не впервые мы с Ченсом спускались по этой длинной тропке вниз. Продвинулись по склону к востоку, а потом долго петляли среди деревьев и где-то через четверть мили оказались на противоположной стороне карьера, где наши однокашники оставили свои автомобили. Подойдя к краю большой поляны, мы остановились и посмотрели вниз. Ченс пихнул меня локтем.

– Она на берегу слева от тебя.

– А я вовсе и не ее ищу.

– Ну да, рассказывай!

Увидев меня, Бекки помахала мне. Ее окружала целая команда парней, в основном здоровяков-футболистов. Один из них перехватил мой взгляд и пренебрежительно сплюнул на потрескавшийся гранитный уступ, сходящий тут за пляж.

– Пошли! – поторопил меня Ченс. – Давай раздобудем пивка.

Мы свернули было на тропу, которая вела к воде, но тут заметили какое-то движение в тени среди сосен. Там, прислонившись спиной к стволу и задрав коленки, сидел какой-то парень, и его голова повернулась, когда он затушил окурок сигареты о землю.

– Видел твое представление... Даже на миг показалось, что ты и впрямь это сделаешь.

Он встал и выдвинулся на свет: черные волосы, потертая джинса, по-тюремному бледная кожа.

– Ну привет, братишка!

Джейсон на пять лет старше меня, но по части роста и габаритов мы с ним практически сравнялись. Те же волосы подметали воротничок рубашки. Те же глаза неотрывно смотрели на меня с лица, знакомого до последней черты, но обретшем жесткие углы.

– Тебя выпустили, – произнес я, и он лишь пожал плечами. – Что ты тут делаешь?

– Тебя ищу, не поверишь.

Из его заднего кармана появилась пинтовая бутылка. Открутив крышечку, Джейсон предложил мне хлебнуть. Когда я помотал головой, он опять пожал плечами и закупорил бутылку.

– Ченса ты наверняка помнишь, – сказал я.

– Привет, малютка.

От его насмешливого тона Ченс немного напрягся, а Джейсон стоял все с тем же беззаботным, опасным и скучливым видом.

– Почему ты все-таки не прыгнул?

Я лишь глуповато пожал плечами, и Джейсон кивнул, как будто все понял.

– Было на что посмотреть, верно?

Он говорил про тот день, когда прыгнул наш брат. Из них обоих Роберт был самым добрым и самым моим любимым братом.

– Ты уже заходил домой?

Джейсон помотал головой.

– А собираешься?

– После того раза? Не думаю.

Его ухмылка тогда была первым чем-то действительно знакомым, что я в нем увидел. Она была жестко перекошена на сторону, и глаз над ней коротко мне подмигнул. Если вы нравитесь Джейсону, это подмигивание говорит: «Жизнь прекрасна, я тебя прикрою». Для остальных это может означать нечто совершенно иное. Даже в его школьные годы взрослые люди могли отпрянуть от этой улыбочки с подмигиванием, а ведь это было еще до войны, смерти и того, что этот чертов Вьетнам внедрил в моего брата. Он был спокоен в тот момент, но все буквально за секунду могло коренным образом перемениться. Мягкий жар бабьего лета. Убийственный мороз. У него внутри каким-то образом уживались оба этих противоположных начала, и они могли очень быстро поменяться местами.

Джейсон прикурил еще одну сигарету, и я смотрел, как он затягивается, испытывая чуть ли не ненависть к тому, насколько он все-таки похож на нашего погибшего брата. Будь сейчас на месте Джейсона Роберт, он бы со смехом обнял меня. Так крепко стиснул бы, что я не смог бы дышать, а потом отодвинул от себя, взъерошил мне волосы и воскликнул: «Господи, как же ты вырос!» Я частенько гадал, изменила ли его война точно так же, как она изменила Джейсона. Стал ли он жестче в эти свои последние дни? Или как раз доброта Роберта и была тем, что в итоге убило его, – та сердечная мягкость, которой недоставало другому моему брату?

– Чем завтра думаешь заняться? – спросил Джейсон.

– Пока не знаю... Схожу куда-нибудь потусоваться, наверное.

– Давай тогда потусуемся вместе, на пару. У тебя есть тачка. А я знаю кое-каких классных девчонок.

Он улыбнулся, не выпуская из губ сигареты, потом втянул дым и выпустил его через ноздри.

– Мы с Робертом частенько так поступали – помнишь, наверное. Проселочные дорожки, холодное пиво – жизнь до войны... Ну что скажешь? Будет как в старые добрые времена.

– Каких девчонок? – спросил я.

– Вот таких! – Джейсон показал мне большой палец, после чего бросил взгляд на Ченса. – Да вообще какая разница, каких девчонок? Ты что, мне не доверяешь?

– Да дело не...

Я замешкался, и улыбочка Джейсона увяла.

– Только не говори, что дело в нашей матери!

– Сам знаешь, каково ей сейчас.

– Ты собираешься забить на денек с двумя классными телками и своим вновь обретенным братом только из-за того, что это может расстроить нашу мамашу?

- Тебе здесь давно не было, братишка. Ты не видел, какая она сейчас.
- Дай-ка угадаю... Слишком требовательная? Строгая?
- Я назвал бы это излишней опекой.

Покачивая головой, Джейсон надолго приник к бутылке.

– А ты не думаешь, что Роберту хотелось бы, чтоб мы присутствовали в жизни друг друга? Не думаешь, что, где-то в глубине души, даже папа считает, что неправильно держать нас подальше друг от друга? Хотя знаешь что? Дело твое. – Он пыхнул сигаретой и показал мне самые яркие, самые холодные глаза, какие я когда-либо видел. – Если ты еще не вполне мужчина...

- Только вот не надо, Джейсон!
- Не вполне мужчина... Недостаточно взрослый...
- Да пошел ты!

Он опять ухмыльнулся и посмотрел на утес.

- Будь ты настоящим мужчиной, ты бы прыгнул. Ты ведь некогда был крепким орешком.

Помнишь это? Помнишь, каково это?

В его холодных ярких глазах светился вызов, и я ощутил в себе такую же холодность.

- Можно подумать, что ты сам готов прыгнуть.
- В любой день недели.
- Да ни в жисть.
- Да ну?
- Именно что да ну.

– А как насчет такого, тогда? Я прыгаю прямо сейчас, и завтра мы едем развлекаться, ты и я. И не только это – ты заранее говоришь маме, куда собираешься. Рассказываешь ей обо всем – про меня, про девчонок, – рассказываешь ей обо всем, и тогда посмотрим, что она скажет.

Я не сводил взгляд с утеса, думая о матери. «Есть вещи и пострашней прыжка с обрыва. Чреватые совсем другой смертью».

- Ты ведь понимаешь, чего она боится, верно?

– Само собой, понимаю, – ответил Джейсон. – Она думает, что ты пойдешь на войну из-за того, что воевал Роберт и воевал я, или что ты решишь, что это круто – быть похожим на меня, и что тебя арестуют, или что ты подсядешь на наркоту, или, не приведи господь, трахнешь девчонку... В основном же я думаю, она боится того, что ты научишься думать самостоятельно. Тебе вообще это разрешается, братишка? Высказывать свое мнение? Жить своей собственной жизнью? Она вообще в курсе, что ты сейчас здесь?

Я ничего не ответил. Не было нужды.

– Короче, предлагаю уговор. – Джейсон подступил ближе и обхватил меня рукой за плечи. – Я прыгаю оттуда ласточкой, и в субботу мы проводим время вместе. Весь день. Вдвоем. – Он стиснул мне шею. – Брат должен знать своего брата.

Я изучил эти яркие, холодные глаза, и что-то вдруг провернулось у меня внутри, словно на старый проржавевший металл наконец попала смазка. Хочет ли он вообще поближе узнать меня или просто выпендривается? Я проиграл в памяти его возвращение с войны: взаимную жестокость и вопросы, оставшиеся без ответа, семейные стычки и все произошедшие в нем перемены. Сколько прошло тогда дней до первого ареста? Когда он начал колотиться героином? Я отступил от того, что увидел в этих глазах перед собой, и его руки упали по бокам.

- Я не хочу, чтобы ты погиб из-за меня.
- Уговор есть уговор, братишка.
- Я серьезно, – сказал я.
- Знаю, что серьезно.

Джейсон опять улыбнулся и подмигнул – и в этот момент настолько напомнил мне нашего погибшего брата, что защемило в груди. Страхнув с ног туфли, он стащил рубашку, и я увидел

все раны, которые он получил на войне, – заросшие отверстия от пуль, следы ожогов и узловатые шрамы. Ченс рядом со мной словно стал еще меньше – весь сжался и не мог отвести от них глаз.

– Господи!

– Заткнись, Ченс.

Джейсон не обращал внимания на моего друга, и это казалось почти правильным. Дело касалось только нас двоих, и никого больше.

– Зачем ты это делаешь? – спросил я.

– Сам знаешь зачем.

– Не, правда не знаю.

– Не придуривайся. Ты *в точности* знаешь зачем. – Он сунул мне в руку помятую пачку сигарет. – Подержи для меня в сухости. Потом мне точно захочется штучку.

– Джейсон, послушай... – У меня кончились слова.

Повернувшись, он стал уходить, и Ченс издал странный смешок.

– Исключено, чувак! Совершенно исключено, что он прыгнет.

Все глазели на моего брата, когда тот вышел на каменистый бережок, и я подумал, что некоторые ребята постарше узнали его. Двое из них принялись толкать друг друга локтями и перешептываться, но Джейсон не смотрел ни влево, ни вправо. Прыгнул в воду и с десятков секунд скользил под поверхностью. Когда вынырнул, неспешными саженками стал удаляться от берега.

– Исключено, – пробормотал Ченс. – Совершенно, блин, исключено...

Наконец Джейсон подплыл к стенке утеса на противоположной стороне карьера, бледным пятном выделяясь на фоне серого камня. Без всяких усилий выдернул себя из воды, и к тому моменту, как он забрался на самый верх, уже чуть ли не весь пляж знал, кто он такой. Я видел это по облетающим толпу шепоткам.

«Джейсон Френч...»

«Вьетнам...»

«Тюрьма...»

Несколько взглядов остановились на мне, но я их полностью проигнорировал. Бекки Коллинз тоже смотрела в мою сторону, хотя даже это казалось концовкой какого-то ночного кошмара.

– Он и вправду собирается это сделать, – произнес я, чувствуя себя так, будто стою сейчас рядом с ним. Все тот же ветер облизывал камень, а вода внизу была столь же холодной, серой и твердой. Единственной разницей было полное молчание, когда Джейсон раскинул руки. Никто ничего не говорил и уже тем более не кричал, и могу поклясться: ветер прямо в тот момент полностью стих и даже птицы умолкли.

«Прошу тебя, Господи...»

Молитва пришла в тот миг, когда я ощутил себя с ним одним целым. Я чувствовал его дыхание, как свое собственное, пальцы его ног, принявшие на себя весь его вес, мои колени невольно согнулись и резко выпрямились в тот самый момент, когда его жизнь уже не была его собственной.

– О боже ты мой...

Ченс произнес эти слова, когда мой брат взмыл в воздух и между его ногами и камнем пролегла расширяющаяся полоска серого, как фетр, неба. Он словно повис на невидимых нитях и выглядел в точности так же, как выглядел тогда наш брат – половина тела ярко освещена, другая в тени, грудь и раскинутые по сторонам руки упруго выгнуты, будто лук с туго натянутой тетивой. В эту долю секунды, пригвожденный к небу, он являл собой совершенно безупречную картину, но тут плечи потянули его вниз, и вот прямо в этот момент мне снова

было тринадцать, и воздух остановился в легких, и я услышал все те же слова, где-то в самой глубине головы.

«Одна тысяча один...»

«Одна тысяча два...»

Я отсчитывал секунды точно так же, как это делал для Роберта, и боялся потерять и второго брата. Джейсон выжидал слишком долго, все еще раскинув руки ласточкой, когда в голове у меня прозвучало «одна тысяча три», принеся с собой ужасную уверенность.

Он неправильно войдет в воду!

Он сейчас разобьется!

Но в самый последний миг его руки сошлись перед головой и, словно кончик ножа, воткнулись в поверхность воды, позволяя моему брату в нее проникнуть. Он исчез в черной пучине, и я затаил дыхание, пока не увидел его вновь – голова над поверхностью, длинные руки неспешно гребут к берегу. Ченс опять что-то произнес, но я почти оглох от звука, похожего на завывание штормового ветра.

Это кровь в ушах шумит, подумал я.

Или, может, это был рев восхищенной толпы.

3

Весь остаток дня я думал про своего брата, про его прыжок и сделку, которую мы с ним заключили. Насчет субботы. Вдвоем. Я ничего не стал говорить матери в тот вечер, пусть даже и ужинали мы в неловком молчании, и она первой нарушила его, словно приглашая к разговору.

– Это Кена я видела на подъездной дорожке?

Задавая этот вопрос, она смотрела в тарелку. Я встретился взглядом с отцом, но в его глазах не было и намека на его мысли по этому вопросу.

– Он приехал сразу за мной, – сказал я.

Это было и вправду так, но сообщил я далеко не все. Напарник моего отца разыскал меня в карьере и настоял на том, чтобы проводить меня до дома. Добавил: «Я обещал твоему отцу проследить, что да как», – и это были его последние обращенные ко мне слова. Он не упомянул ни про Джейсона, ни про ребят, которых застукал за выпивкой, ни про мой виноватый вид, когда я вздрогнул при его внезапном появлении. Кен наблюдал за Джейсоном этими своими пустыми коповскими глазами, а потом все с тем же нескрываемым отвращением опустил взгляд на Ченса. «А тебе тоже не пора ли?» Остановив машину на нашей подъездной дорожке, он проследил, как я захожу в дом, а потом дождался, пока за ним не остановится машина отца. Я не слышал их разговор, но видел от двери, как отец посматривает на меня такими же глазами копа.

– Ты сегодня не был в школе, – констатировала мать.

– Я был на карьере.

– День прогульщика – это традиция, я знаю, но в понедельник изволь опять в школу. Выпускные экзамены на носу. Если конец близок, это не значит, что можно расслабляться.

– Слушаюсь, мэм.

Она молча поддела на вилку листок салата, и это тоже было частью затеянной ею игры. Никаких упоминаний про Роберта, или про Джейсона, или про войну. Я точно не знал, где витает ее разум в промежутках молчания между вопросами, но предположил, что это будущее или какое-то другое светлое место.

Мой отец тоже хорошо знал правила этой игры: держись просто и естественно, не залезай в дебри.

– Не подумал еще раз насчет летней работы?

– Меня хотят нанять в марину³.

– Опять?

Это его явно разочаровало, но я люблю лодки, воду, запах горячего. Отец еще сильнее нахмурился, но крыть ему было нечем. Осенью я уже буду в колледже, а это означало отсрочку от призыва. Он натянуто улыбнулся, а мать все так же молча пригубила вина.

Хотя на меня все эти ее игры не действовали.

– А ты в курсе, что Джейсона выпустили из тюрьмы?

Вопрос упал, словно бомба. Мать поперхнулась вином. Отец начал было:

– Сынок...

– Вы должны были сказать мне!

Меня вдруг совершенно неожиданно охватила злость, и я даже сам не понял, по какой причине. Из-за того, как они пытались управлять моей собственной жизнью? Из-за того, что я чувствовал, пока мой брат падал со скалы? Только эмоции были определенными – этот незнакомый и непривычный для меня гнев.

– Кто тебе сказал? – спросила мать.

---

³ *Марина* – стоянка для частных прогулочных судов; яхтенный порт.

- Я видел его. Мы поговорили.
Она промокнула уголки рта салфеткой.
- Про меня, насколько я понимаю?
– Не исключено, что и эту тему тоже затрагивали.
Разгладив салфетку на коленях, мать отвернулась.
– Ты ведь знала, разумеется... Разве не так? Знала, что он вернулся.
– Мы решили, что лучше держать вас подальше друг от друга. – Ее взгляд на сей раз был прямым и жестким. Она сидела тихо и прямо – элегантная женщина за красиво накрытым столом. – Нам так необходимо обсуждать причины?
– А разве что-то изменилось с того последнего раза, когда мы обсуждали причины?
– Лично для меня – нет.
Я повернулся к отцу.
– Папа?
– Дай нам возможность первыми с ним поговорить, хорошо? После тюрьмы. После всего этого времени. Дай нам возможность прощупать его. Мы не знаем ни его планы, ни почему он вернулся.
– И когда вы все это узнаете?..
– Вот тогда и посмотрим, как поступить.
Я переводил взгляд с одного на другого. Абсолютно ничего не изменилось.
– Я могу идти?
Моя мать подняла бокал.
– Ты собираешься опять с ним повидаться?
– Нет, – соврал я.
– Поговорить с ним по телефону?
– Если у него и есть номер, то я его не знаю.
Она изучила меня такими же холодными и яркими глазами, как у моего брата.
– Ты по-прежнему мой хороший мальчик?
– Пытаюсь быть таким.
– Ты любишь меня?
– Разумеется.
– Ты злишься?
– Уже нет.
Еще один глоток из бокала. Тот же самый взгляд.
– Не уберешь посуду со стола?

* * *

Я отнес тарелки в кухню и по задней лестнице поднялся в свою комнату. Едва оказавшись там, закрыл дверь и постарался увидеть окружающую обстановку чужими глазами: плакаты, старые игрушки, пластиковые спортивные призы... Когда в дверь постучал отец, было уже около девяти вечера.

– Заходи.

Он прикрыл за собой дверь, удивленный состоянием моей комнаты. Плакатов как ни бывало. Половина моего добра убрана в коробки.

– Как это понимать?

Я пожал плечами, продолжая собирать ненужное барахло.

– Просто захотелось перемен.

Отец заглянул сначала в одну коробку, потом в другую.

– Хочешь все это убрать?

- Пожалуй, что да.
- Даже свои любимые комиксы? – Он поднял стопку из наполовину заполненной коробки. – Ты же собирал их с восьмилетнего возраста!
- Я никак не отреагировал. Отец положил комиксы обратно и присел на край кровати.
- Насчет твоей матери...
- Тебе не нужно ничего объяснять.
- А я вот был бы только рад поговорить об этом.
- Она боится, что Джейсон разрушит мою жизнь. Это едва ли новость.
- Это не навечно, сынок.
- Это уже годами длится, папа! Уже пять лет она не дает мне заниматься спортом или встречаться с девушками. Я не могу пойти с друзьями в поход с палатками или на охоту. Она из дому-то меня едва выпускает!
- Она разрешила тебе купить машину.
- Потому что я купил ее на собственные деньги.
- Но все-таки разрешила.
- Да, разрешила, и это единственный случай, когда она поступила по справедливости.
- Ничего из этого не справедливо, сынок... Несправедливо, что погиб Роберт, или что Джейсон изменился так, как мы это видим. Несправедливо, что твоя мать настолько переживает, или что все это ложится на твои плечи. Просто имей дело со мной. И держись подальше от Джейсона – по крайней мере, какое-то время.
- Он – мой брат.
- Я это знаю, но есть кое-что насчет Джейсона, чего ты не знаешь.
- Что именно? Что он употреблял наркотики? Что он убивал людей на войне?
- Отец нахмурился и внимательно посмотрел на дверь, куда менее уверенный в себе, чем обычно.
- Три-четыре дня, только и всего.
- Ты должен был сказать мне, что он вернулся!
- Ты злишься. Я это понимаю. Но мне все равно нужно твое обещание.
- Я не могу тебе его дать.
- Даже ради матери?
- Даже ради тебя.
- Я уставился ему прямо в глаза, а он уставился на меня в ответ. В конце концов на этом он меня и оставил – в молчании, которое говорило об отцах, сыновьях и трудной правде. Я не мог повернуться спиной к Джейсону – только не после потери Роберта.
- По-моему, отец это понял.
- А может, даже одобрил.

* * *

Остановившись в десяти футах от двери, Френч вновь задумался о своих сыновьях, какими они были до войны: о Роберте, с его добродушной улыбкой и тихой отзывчивой натурой, и о Джейсоне, который мог быть язвительным, блистательным, а иногда и жестоким. С самого начала Гибби явно склонялся к Роберту, но куда больше походил на Джейсона, чем сам был готов признать. Он обладал теми же проницательностью и самосознанием, тем же острым умом. В сердце у Гибби, естественно, хватало места для всех, и это было единственной причиной, по которой он уже столько лет уступал совершенно безумным требованиям своей матери. Никаких девушек. Никаких занятий спортом.

- Черт возьми, Габриэла!

Рациональность не имела абсолютно никакого отношения к ее помешанной на опеке натуре. Первым призвали Роберта, а Джейсона эта участь миновала лишь потому, что тот родился на две минуты позже полуночи, из-за чего старшие оказались близнецами с разными днями рождения. Габриэла прорыдала весь день, когда Роберт отправился во Вьетнам, и весть о его гибели сломала ее окончательно. Он был первенцем и любимчиком. Габриэла никогда этого не признала бы, но ее крики сквозь слезы в темноте в ту ужасную ночь все еще отравляли воспоминания Френча.

«Это должен был быть Джейсон!»

«Это должен был быть он!»

Он уже пытался удушить в памяти эти слова, но все равно помнил, вплоть до этого дня, как они тогда разносились по дому. Как скоро после этого Джейсон завербовался в морскую пехоту?

Через два дня?

Через три?

Френч глубоко вздохнул и с силой потер руками лицо, которое показалось ему чужим и грубым у него под ладонями. Оттолкнувшись от стены, он направился к двери своей с женой спальни и заглянул внутрь. Габриэла лежала в кровати на боку. Тихонько прокравшись мимо нее, он вытащил из комода табельный пистолет и значок.

– Ты куда-то собираешься? – Она перекатилась на спину, шурша простынями.

– Я тебя разбудил?.. Прости. Давай спи дальше.

– Гибби уже в постели?

– Уложен, укрыт, подоткнут.

– А ты куда?

– На вызов, – сказал он. – Это займет какое-то время.

– А сколько сейчас времени?

– Не очень поздно. Давай спи.

Френч поцеловал ее в щеку, и она опять повернулась на бок, показав изгиб высокого плеча и копну волос. Ему стало стыдно за вранье, но если б Габриэла узнала его истинные намерения, сразу последовали бы упреки и слезы – тогда она вообще не смогла бы заснуть.

Выйдя из дома, Френч скользнул за руль и следовал по узкой двухполосной шоссе, пока не оказался на региональной автостраде, ведущей в Шарлотт. Будучи городским копом, он всегда немного стыдился того, что живет на выселках, но в первую очередь он был отцом, а городская жизнь с каждым годом падала все ниже и ниже. Было бы легко винить во всем войну, но перемены казались куда более фундаментальными. Людей уже не волновало, что творится вокруг, как некогда. Они просто крепче запирали свои двери и отводили взгляды от улицы. Соседи все меньше доверяли друг другу, и никакой любви к копам. Так стало после расстрела в Кентском государственном, по крайней мере, после расовых волнений в Нью-Йорке и Уилмингтоне, бунте в «Аттике», взрыве в Висконсине⁴... Даже в таком маленьком городе, как этот, – всего полмиллиона жителей, – Френч навиделся того, что до сих пор и представить себе не мог: не просто протестов и бунтов, но и сжиганий лифчиков⁵ и флагов, не говоря уже о

---

⁴ *Расстрел в Кентском университете* – 4 мая 1970 г., т. е. за два года до описываемых в романе событий; в городе Кент, штат Огайо, в ходе антивоенных демонстраций периода войны во Вьетнаме бойцы подразделения Национальной гвардии открыли огонь по безоружным студентам (4 погибших и 9 раненых). Бунт в тюрьме «Аттিকা» штата Нью-Йорк в 1971 г. закончился гибелью 33 заключенных и 10 сотрудников тюремной администрации. Взрыв в одном из зданий университета Висконсин-Мэдисон был совершен 24 августа 1970 г. четырьмя мужчинами в знак протеста против исследовательских связей университета с вооруженными силами США во время войны во Вьетнаме; в результате погиб научный сотрудник университета, трое других получили серьезные ранения.

⁵ В 1968 г. возле здания, где проводился конкурс «Мисс Америка», феминистки установили мусорную корзину, в которую бросали разные предметы, в том числе и бюстгалтеры, символизирующие угнетение женщин. Правда, на самом деле их никто не сжигал, несмотря на призывы это делать, хотя выражение «сжигательницы бюстгалтеров» по отношению к воинствующим

взрывном росте бездомности, бедности и потребления наркотиков. Для незамыленного глаза проблема была крупнее, чем просто разваленные семьи и оборванные дружеские узы или даже разваленные и порванные в клочья города. Страна была ранена и страдала от боли. «Разделена» – разве это слишком сильное слово?

Оказавшись в пределах городской черты, Френч двинул мимо жилых комплексов и торговых зон в деловой центр, где выростали здания по двадцать и тридцать этажей, а тротуары были полны народу. Рестораны переполнены, равно как ночные клубы и бары. По четырехполосной главной улице медленно курсировали автомобили, прежде чем развернуться и проделывать это снова. Его интерес заключался в основном в том, чтобы просто миновать ее, но множество опытных настороженных глаз все равно находили его тяжелый седан, словно на борту было крупно написано «коп».

Углубившись в город, на подъезде к полумильному отрезку заброшенных фабрик, построенных в конце восьмисотых годов, Френч замедлил ход. Городские власти уже пытались вдохнуть в этот район новую жизнь, в порядке эксперимента перестроив часть зданий в жилые комплексы и кондоминиумы, но ожидаемого наплыва хозяев и съемщиков квартир так и не произошло. Строения вокруг в основном пустовали. Здесь была пара-тройка ночлежек, студии неудавшихся художников, кое-какие промышленные склады. Здание, которое ему требовалось, располагалось на дальнем углу наихудшего квартала, так что подкатил он потихонечку и вышел из машины на некотором расстоянии от него. Между редкими уличными фонарями разливалась непроглядная тьма, и лишь там, где на погрузочных платформах и растрескавшихся бетонных крылечках кучковались какие-то ханыги, поблескивало битое стекло и тускло светились огоньки сигарет.

– Кто-нибудь видел Джимми Хукса? – Подходя к компашке подобных типов, которые устроились на погрузочной платформе, вытянув ноги и прислонившись спиной к кирпичам, Френч показал свой полицейский значок. Сидящие его увидели, но даже не озаботились спрятать иглу. – Эй! Джимми Хукс. Ты видел его?

Один из торчков повернул голову и медленно сморгнул. Френч протянул десятидолларовую купюру.

– Отдам первому, кто скажет.

– Э-э, мужик, я вроде как видел его...

– Только не ты! – Френч знал этого малого, соврет – недорого возьмет. – Вот вы двое. Джимми Хукс. Я не собираюсь замести его. Просто надо поговорить.

Он вытащил еще пятерку, и все трое наркоманов дружно ткнули пальцами на старую фабрику через дорогу.

– Если соврала, я вернусь. Отберу и деньги, и ширево.

– Да ты чё, мужик! Все по-честному. Джимми Хукс. Прямо вон там.

Френч бросил им банкноты и двинулся через дорогу, ступая по битому стеклу и не сводя глаз с двери полуподвала, полускрытой в темной нише с тремя ведущими вниз ступеньками. Возле нее ошивались две какие-то девицы. Проститутки, подумал он. Увидев его, они сразу разделились. Френч дал им спокойно уйти. За открытой дверью увидел матрасы, старые диваны, на полу оплывал огарок свечи.

– О... мистер коп!

Приветствие последовало от наркота, настолько тощего, что хороший ветерок поднял бы его и унес прочь. Тот лежал на диване, босиком, без рубашки и явно под кайфом.

– Я ищу Джимми Хукса.

Наркоман показал в сторону длинного темного коридора.

– Он один?

– Да, блин, мужик...

Наркоман расслабленно ухмыльнулся, и Френч понял: «Нет, не один». Пройдя по коридору, он обнаружил еще несколько комнат и еще больше наркоманов. Френч был слишком вымотан, чтобы испытывать хоть какие-то чувства, но некая пружина внутри него взвелась немного туже.

В задней части здания коридор загибался вправо и упирался в стальную дверь под голой лампочкой. Взявшись за рукоять револьвера, Френч дважды постучал.

– Полиция! Мне нужен Джеймс Мэннинг, он же Джимми Хукс.

Будь это задержание, за спиной у Френча сейчас стояли бы люди, равно как у черного хода и в переулке снаружи. Хотя Мэннинга никогда еще не забирали за распространение. Больно уж хитрый тип, больно уж скользкий...

– Ну давайте уже, открывайте!

Он барабанил в дверь, пока не скрежетнул металл и внутри не сдвинули засов. Дверь приоткрылась на длину цепочки и показался кусок лица – бледная кожа, темный равнодушный глаз.

– Ордер. – Это не прозвучало вопросом.

– Передай Джимми, что это детектив Френч; мне нужно кое о чем поговорить.

Голова отвернулась в глубину комнаты.

– Йо, ну как ты и говорил!

– Так впусти человека.

Дверь захлопнулась, загремела цепочка. Когда дверь открылась вновь, перед взором Френча предстал Джеймс Мэннинг, который полулежал в кожаном кресле, заложив руки за голову и вытянув перед собой скрещенные ноги. Лет сорока пяти, местный, на вид – то ли хиппи, то ли гопник, то ли «вечный студент», сразу и не поймешь. Определить расовую принадлежность и возраст стоящего рядом с ним типа было бы и вовсе затруднительно. Наркотиков, оружия и наличных Френч в комнате не заметил. Все это явно имелось в здании, но у других людей, в других помещениях.

– Детектив Френч! – Мэннинг раскинул руки в насмешливом приветствии. – Я так и думал, что сегодня вечером свидимся.

– Выходит, ты в курсе, что он вернулся.

– Ваш сынок разводит за собой волну покруче прочих, так что да. Слышал.

Френч шагнул в комнату. Заметил еще троих мутного вида типов, держащихся чуть поодаль. Пятеро, в общем и целом. Улыбался один лишь Мэннинг.

– Ты ему недавно продавал?

– Не понимаю вопрос.

– Я хочу знать, употребляет ли он.

– Эй, этот мир полон всяких хотелок! Я чего-то хочу... Вы хотите...

Двое мужчин переместились в слепую зону Френча. Он это заметил, но не стал особо напрягаться.

– Так знаешь, где он, или нет?

Мэннинг показал обе ладони и вторую улыбку, от которой Френчу стало окончательно тошно. Зря он вообще сюда приперся... Ему следовало самому знать, где искать своего собственного сына!

– У тебя ведь есть ребенок, верно? Дочка?

Мэннинг прекратил улыбаться.

– Вот только давайте без таких сравнений.

– Я просто хочу сказать...

– Ваш сын – наркот. А моей дочке всего восемь.

– Но, как отец...

– Мне на это насрать.

– А на что не насрать?

– На взаимные услуги. – Мэннинг подался вперед в кресле. – Давайте озвучу, как это действует. Я не продавал вашему сыну. Эта информация – тоже услуга, и это бесплатно. Я могу и сказать вам, где он сейчас, но это уже будет вам кое-чего стоить.

– Ответной услуги.

– Услуги *копа*.

Френч сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. Люди вокруг него были полным отребьем, просто пробы негде ставить. Ему хотелось арестовать их всех до единого или бить до тех пор, пока не разобьет в кровь кулаки.

– Я не прошу у тебя почку, – медленно произнес он. – Ответная услуга должна быть соизмеримой.

– Хорошее слово.

– Так где он, Джимми? Еще раз спрашивать не буду. Просто уйду, и услуга уйдет вместе со мной.

Мэннинг вновь откинулся в кресле. Три удара сердца, потом еще пять.

– Знаете Чарли Спеллмена? – спросил он наконец.

– А должен?

– Грошовый дилер. Косит под крутого. У него дом на углу Уотер-стрит и Десятой, съемная халупа. Ваш сынок зависает там.

– Если информация верная, за мной должок.

– Да, это уж точно, детектив. Одна соизмеримая, блин, услуга, как вы изволили выразиться.

* * *

Френч двинулся обратно по грязному коридору, не обращая внимания на несущийся вслед ехидный гогот. Он чувствовал себя злым и нечистым, и эти чувства преследовали его всю дорогу до угла Уотер-стрит и Десятой – тихого перекрестка в рабочем районе с маленькими домиками и крошечными садиками, где обитали как хорошие, так и плохие люди. Он знал этот район еще с тех пор, как патрулировал тут в форме еще зеленым салагой. Большинство вызовов тогда были связаны с домашними скандалами, случаями вандализма или распития спиртного в общественных местах. Насильственные преступления случались нечасто, а убийства были и вовсе большой редкостью. Не спеша изучая дома возле перекрестка, он нажал на тангенту рации и запросил у диспетчера марку и модель автомобиля, принадлежащего Чарли Спеллмену. Это не заняло много времени.

– Согласно реестру учета транспортных средств, на Чарльза Спеллмена, дата рождения двадцать первое сентября тысяча девятьсот пятидесятого года, зарегистрирован «Форд Маверик» шестьдесят девятого года выпуска, номерной знак LMR-719.

– Спасибо, Центральная. Принято.

«Маверик» он обнаружил на узенькой подъездной дорожке у пятого дома от перекрестка, на западной стороне квартала. Шины совсем лысые. Заводская краска заляпана пятнами грунтовок. Посветив сквозь стекло фонариком, Френч обнаружил на коврике под сиденьями россыпи всякого мусора, но вроде ничего незаконного. Подойдя к дому, засек движение за занавесками, услышал музыку и смех. Постучал, и дверь открыла симпатичная девица в расклеванных джинсах и облегающей маечке без бретелек, открывающей живот. В свете уличного фонаря блеснули густо наложенные голубые тени. Она была пьяна, но настроена дружелюбно. Носик ее усыпали крошечные веснушки.

– О, заходи! Бухло в кухне. Чарли где-то там.

Девушка развернулась и заковыляла обратно в глубь дома, оставив дверь открытой, так что он вошел. В первой комнате толклось около десятка гостей, и еще больше народу виднелось в коридоре и следующей комнате. В воздухе висел сизый дым, частично от травы. Двигаясь по дому, Френч уловил пару недовольных взглядов, но проигнорировал их. Большинство же прочих участников вечеринки пребывали в блаженно отсутствующем состоянии. Какая-то парочка самозабвенно сосалась на лестнице. Несколько девушек танцевали в углу под «Кареглазую девчонку»⁶, крутящуюся на проигрывателе.

В узком коридорчике ему пришлось развернуться боком, чтобы протиснуть свою крупную фигуру мимо какого-то смазливового парня и группы женщин лет двадцати пяти.

– Не видели Джейсона Френча? – спросил он первую же, что попала ему на глаза, но та лишь помотала головой.

В конце коридора Френч заглянул в кухню. В тазах со льдом стояли два больших пивных кега, обе стойки были уставлены открытыми бутылками. Мужчины здесь собрались постарше, с усами и бакенбардами.

– Кто-нибудь видел Джейсона Френча?

Никто не ответил, так что из всей этой компании Френч выбрал того парня, который больше всего выбивался своим видом из окружающей обстановки и выглядел несколько неуверенно.

– Ну а ты? Ты знаешь Джейсона Френча?

Молодой человек бросил взгляд на своих друзей.

– Э-э, он наверху, мужик. Но вообще-то ему сейчас не до гостей.

– В какой комнате?

– Э-э...

– Заткнись, чувак! – вмешался кто-то из остальных. – Мы не говорим про Джейсона, если только сам Джейсон не против.

После этого компашка сомкнула ряды – обычная реакция. Для определенного рода людей Джейсон являл собой нечто вроде бога. Он добровольно завербовался в морскую пехоту, чтобы поквитаться за погибшего брата, побывал в трех боевых командировках и задал там жару. У него были шрамы и характер, тюремный срок, отсиженный от звонка до звонка. Эта аура по-прежнему витала над Джейсоном, но Френч уже устал от этого – от всего этого. Он слегка отогнул полу куртки, открывая значок и револьвер в кобуре.

– Я спросил, в какой комнате?

После тридцати лет в копах у него это хорошо получалось. Приходилось ему и бить при нужде, и самому быть битым. Это придавало ему уверенности в себе помимо значка и ствола.

– Ну давайте, парни, это совсем простой вопрос. Нет? Никто? Хорошо. Ладненько. Но сейчас я поднимусь наверх искать Джейсона, и если вдруг обнаружу кого-то из вас, ребятки, у себя за спиной на лестнице, или в коридоре, или вообще где-то поблизости, то восприму это как личное оскорбление. Всё понятно?

Сосчитав до пяти, Френч повернулся к лестнице. Никто за ним не последовал. На площадке второго этажа его ждали четыре закрытые двери. За первой скрывалась ванная комната, пустая. За второй – спальня, и дверь была заперта на замок.

– Джейсон?

Он услышал внутри какое-то шевеление, а потом негромкое:

– Вот черт...

– Открывай, сынок! Я просто хочу поговорить.

– Сейчас не самое подходящее время.

---

⁶ «Кареглазая девчонка» (англ. *Brown Eyed Girl*) – популярная композиция в стиле «соул» североирландского автора-исполнителя Вана Моррисона, написанная в 1967 г.

- С тобой никогда подходящего не бывает!
- Иди на хер, я сказал.
- Ладно, тогда...

Френч взялся одной рукой за ручку, навалился плечом на дверь и почувствовал, как замок поддается. Дешевый металл. Дешевая дверь. Внутри горела единственная лампочка, накрытая красной тряпкой, смягчающей свет и отбрасывающей тени на голую кожу молодой женщины. Та сидела верхом на лежащем на спине Джейсоне, медленно и размеренно двигая ягодицами. Ее сцепленные руки были заложены за голову под копной длинных темных волос. Наверное, она даже не услышала, как с треском распахнулась дверь. А может, ей было на это просто плевать.

– Тира, детка... Тормозни чуток. – Здрава подбородок, Джейсон похлопал ее по бедру. – Не дашь нам минутку?

Соскользнув с кровати, девушка с полным отсутствием стыда или смущения стала одеваться. Френч отвел взгляд, но она не спешила, двигаясь по комнате и собирая разбросанную там и сям одежду. Наконец одевшись, надолго приникла поцелуем к губам Джейсона, после чего протолкалась мимо Френча, бросив ему: «Свинья!»

– Чудесно, – отозвался он. – И вам не хворать.

Девушка показала ему средний палец, и Френч проследил, как она уходит. Джейсон на кровати прикрылся одеялом до пояса; его боевые шрамы тускло поблескивали в красноватом свете. Потянулся за пачкой сигарет, вытряхнул одну, прикурил.

– Прямо из тюрьги, пап! Нельзя было дать человеку пять минут?

– Сомневаюсь, что это первая девушка, которая у тебя была после выхода из тюрьмы.

Джейсон заложил руку за голову и выпустил дым прямо ему в лицо.

– Что тебе надо?

– Ты не сказал нам, что возвращаешься домой.

– А я не думал, что вам захочется знать. – Злость. Отстраненность. Еще одна струя дыма. – Зачем заглянул? Услыхал про завтра?

– А что произойдет завтра?

– Братья будут вести себя по-братски. Могу предположить, что ты явился все это прекратить. Гибби – любимый сын и все такое, а мамочка у нас – ну просто мимоза в ботаническом саду...

– Давай-ка все-таки поуважительней.

– Что – скажешь, неподходящее слово? Мимоза... Снежинка... Пепел на ветру. – Джейсон пошевелил пальцами, словно растирая на них перепел, и дунул на них.

– Ты под балдой? – спросил Френч. – Ты сейчас употребляешь?

– А «Джордж Дикель» считается?

Джейсон приложился к бутылке, и все его негодование сразу проявилось у него на лице: по поводу этого внезапного вторжения, вопросов, вообще последних лет его жизни...

– Гибби – не любимчик. Он просто младший и еще совсем юный.

– Того же возраста, что и Роберт, когда его призвали.

– Это разные вещи.

– Разница небольшая. И ты вообще знаешь, в чем главная трагедия, в чем печальная ирония всей этой ситуации? – Еще один глоток виски. – Гибби всегда был самым сильным из всех нас – я хочу сказать, тогда. Тринадцать лет от роду, а ни в чем от нас не отставал: походы с палатками, кроссовые велики, охота, драки... Малыш был непоколебим, как скала. И что он представляет собой теперь? – Джейсон ткнул перед собой сигаретой. – Просто жалость берет, во что вы его превратили.

– Ты несправедлив, сынок.

Джейсон вздохнул, словно ему вдруг стало жутко скучно.

– Чего ты вообще хочешь, пап? Чтобы я опять свалил из города или держался подальше от своего единственного брата? Если дело в этом, то говори это и уходи. Ничего хорошего из этого не выйдет, но мы, по крайней мере, пойдем друг друга.

Френч изо всех сил подыскивал ответ, но вопрос был за пределами простых ответов. Он любил этого парня, но теперь совсем уже не знал его.

– Завтра, говоришь? По-братски?

– Вообще-то предполагалось, что Гибби сам вам все расскажет.

Френч кивнул. Просто ничего другого не оставалось.

– Доставь его домой в целостности и сохранности, хорошо? И чтоб ничего глупого, опасного или криминального.

– Принято, детектив.

Джейсон опять приложился к бутылке, и Френчу тоже вдруг отчаянно захотелось хлебнуть чего-нибудь горячительного, прямо в этот момент. Ему хотелось выбить злость из своего сына, притянуть его к себе и стиснуть так крепко, чтобы не оставалось больше никаких вопросов о прошлом, любимчиках и любви. Ему хотелось сказать: «Ты же мой сын, черт побери, и мне плевать, что ты сделал, или что ты сейчас из себя представляешь, или даже что ты ненавидишь меня!» Ему хотелось держать своего мальчика в объятиях, пока сердце не переполнится и не поднимется солнце и не заболят руки. Но вместо этого он лишь опять кивнул и молча вышел из комнаты.

4

Я еще не спал, когда отец вернулся домой. Я знал по долгому опыту, насколько неуклюже он пытается сохранять тишину. Со всеми этими поздними возвращениями и затяжными полицейскими расследованиями можно было бы предположить, что он давно уже знает каждую отставшую половицу в доме. Но нет. Сначала я услышал поскрипывание в коридоре, а потом позвякивание кубиков льда, когда отец надолго остановился у двери моей комнаты. Когда я был младше, он мог разбудить меня, чтобы поговорить, – обычно в плохие дни, когда какое-нибудь расследование шло наперекосяк, или в числе потерпевших или убитых оказывался кто-то особо того не заслуживающий. Он никогда не посвящал меня в подробности, но даже в свои двенадцать или тринадцать я уже понимал, что ему просто хочется поговорить о каких-то нормальных вещах, убедиться, что его собственные дети в полной безопасности и мирно лежат в своих постелях. Подобные ночи стали более частыми, когда Роберта отправили на войну, и резко прекратились, когда из Вьетнама вернули его тело. Теперь все было только так: отец за дверью в коридоре, позвякивание льдинок в стакане...

Когда он ушел, мои мысли вернулись к Джейсону и утесу.

«Никаких колебаний...»

«Он даже вниз не посмотрел перед тем, как прыгнуть...»

Включив лампу, я открыл обувную коробку, наполненную фотографиями Роберта, – одни были сняты, когда он был еще мальчишкой, а другие присланы из Вьетнама. На некоторых мой старший брат выглядел испуганным, а на других в основном каким-то потерянным. Не всякий заметил бы это, естественно. Большинство людей увидели бы симпатичного парня со сдержанной кривоватой улыбочкой. Но я-то знал Роберта получше остальных – даже лучше, чем Джейсон. Именно Роберт научил меня всегда выкладываться по полной – что в учебе, что в спорте, что просто в жизни, показывал, как найти свое место в мире. Хотя с каждым годом становилось все трудней вспоминать его, так что теперь я все чаще и чаще доставал эти фотографии. Вот каким я вижу его, лишь закрою глаза: Роберт в джунглях и смотрит куда-то влево, или стоит с какими-то другими людьми на краю сожженного поля. Даже тот день, когда он прыгнул ласточкой с Чертова уступа, уже расплывался у меня в голове. Вместо него я видел Джейсона и чувствовал, что меня тянет и к нему тоже. Чего ему от меня надо? Зачем он вернулся в родные края? Я знал, что сказал бы Роберт, если б я спросил у него насчет завтрашнего дня.

«Живи на полную катушку, Гибби, но имей голову на плечах...»

«Ты слышал, что я сказал?»

«Сечешь?»

Я долго таранился в темноту, после чего натянул джинсы, взял сигареты из материнской сумочки и выскользнул на крыльцо. Звезды были уже бледными, воздух – прохладным. Я прикурил, раздраемый противоречивыми чувствами – как будто кто-то устроил войну прямо у меня в голове. «Каким быть? Таким, как Роберт, или как Джейсон? Хорошим сыном? Или плохим? Или тем и другим одновременно?» Подумал было, не умыкнуть ли немного виски, но не стал.

Скоро выпивки будет хоть залейся.

И вранья тоже, судя по всему.

* * *

Это произошло на том же самом крыльце, в девять утра – мой отец материализовался практически у меня за спиной, когда я безуспешно попытался ускользнуть незамеченным.

– Гибби, Гибби! Погоди.

Он пытался убрать коповское выражение с лица, но это давалось ему нелегко – доверять.

– Да, папа?

Он был босиком, лишь в футболке и джинсах. Я старательно избегал его взгляда.

– Куда это ты собрался?

– Просто прошвырнуться. – Наполовину ложь.

– Опять на карьер?

– Пока не знаю.

– С Ченсом?

– Да, наверное. Скорее всего.

Отец нахмурился и бросил взгляд на мой автомобиль на подъездной дорожке. Это был «Мустанг» с откидывающимся верхом, вообще-то довольно старый. Я купил его здорово подержанным. Хотя – кузов практически не мятый, большой мощный мотор...

– Послушай, – сказал он. – Вчера вечером я разговаривал с Джейсоном.

«Блин...»

– Да ну?

– Он рассказал мне про сегодня.

Я ожидал еще более коповского взгляда, но все оказалось не так. Вид у моего старика был совершенно открытый, понимающий, и... ну, я не знаю – он словно вдруг даже помолодел.

– Твоей матери вовсе не обязательно об этом знать, согласен? Давай это останется между нами.

Я ожидал какой-то ловушки, но так и не увидел ее.

– Я тут просто как следует поразмыслил над всем этим, вот и всё. Он единственный брат, который у тебя остался. Хороший или плохой – это ничего не меняет.

– Но маме не рассказывать?

– Просто имей голову на плечах, – сказал он. – Сечешь?

Я коротко кивнул, подумав: ну вот опять.

Призрак брата Роберта.

* * *

Джейсон был явно с похмелья, когда я подкатил к тротуару. Он сидел на бордюре, скрепив свои высокие ботинки в водоотливном желобе и прижав ко лбу бутылку пива.

– Ты опоздал.

Я вырубил мотор, но не стал вылезать. Верх машины был опущен, солнце жарило на всю катушку. Джейсон надолго притянул к бутылке, а потом поднялся на ноги. Дом у него за спиной был крошечным, дворик усеян мусором, а его одежда была темной и потрепанной, как проселочная дорога. Несмотря на все это, вид у Джейсона был готовый на все, улыбка – ироничной, а все остальное в нем – длинным, поджарым и взведенным, как пружина. Осушив бутылку, он отшвырнул ее и водрузил на заднее сиденье увесистый кулер.

– Ты уже завтракал?

Я помотал головой, и Джейсон распахнул дверцу.

– Ладно тогда. Я угощаю.

Он назвал мне адрес, взял на себя роль штурмана и провел меня через городок к простецкой закускойной в виде вагончика, в которой, судя по вывеске, подавали еду в стиле «соул» вперемешку с корейской.

– Но цыплята и выпечка тут... – сказал Джейсон. – Ты просто не представляешь!

Насчет этого он оказался прав. Я действительно не мог такого представить.

– Неплохо, а? – Мой брат снял темные очки, и его глаза были на удивление ясными.

– Часто тут бываешь? – спросил я.

Джейсон ткнул пальцем в повара за прилавком, жилистого чернокожего мужчину с проседью в бороде.

– Натаниэл Вашингтон, – сказал он. – Я знал его сына, Дарзелла. В учебке познакомились.

– А он... ну, сам понимаешь... На войне?

– Что? Погиб? – Все та же ироническая улыбка. – Он водит такси в городе. Отличный парень. Как раз он и показал мне это место, прежде чем нас отправили во Вьетнам. К корейской еде я так и не привык, но вот все остальное...

Джейсон помахал рукой перед носом, словно чтобы еще раз как следует впитать упоительный аромат жареных цыплят и капусты, шпика и свиных рулек. Вид у него, развалившегося в кабинке, был полностью расслабленный. Спокойный взгляд. Дружелюбная улыбка.

Покончив с завтраком, мы заказали еще сэндвичей в дорогу.

– Расскажи мне про девушек, – наконец решился я.

– Девушек?

– Ну да, ты говорил...

– Ах да, про девушек! Ну, вообще-то это скорее женщины. Ты уже спал с женщиной?

Я смущенно отвернулся. Девушки были для меня полной загадкой, замешанной на сладости и коварстве. Обычно они пугали меня.

– На этот счет не переживай, – заверил Джейсон. – Эти девчонки классные. Они тебе понравятся.

После этого он принялся изучать город за стеклом. Тени в переулках на противоположной стороне улицы становились все более густыми, а яркий солнечный свет с каждой секундой все сильнее проявлял пешеходов на тротуаре, бездомных, большие автомобили с блестящими хромированными молдингами. Я опять посмотрел на брата. Меня покорила его ленивая уверенность в себе, его неподвижность, то, как он держал сигарету.

– Что?

Джейсон перехватил мой взгляд, но у меня не было простого ответа. Люди говорили, что мы с ним похожи, но для меня он все равно оставался чем-то экзотическим.

– А скольких людей ты убил?

Для раннего утра вопрос был явно неподходящий. Джейсон надолго остановил на мне взгляд – ни рассерженный, ни понимающий.

– Давай не сегодня, братишка.

Мне было трудно скрыть разочарование. Секс. Смерть. Опыт. Это было то, что делало его мужчиной, а меня – чем-то гораздо меньшим.

– Послушай... – сказал он. – Я все понимаю. Люди говорят. Мы с тобой близкие люди...

– Я слышал, что двадцать девять, только за первый год.

Джейсон помотал головой, затушил сигарету в пепельнице. Как это прикажете понимать: больше, чем двадцать девять? Или меньше?

– Мне нужно выпить. – Он поднялся, когда старый владелец заведения поставил на стол пакет с едой. – Спасибо, Натаниэл.

Джейсон сунул ему пригоршню купюр, вроде даже не сосчитав их, а потом плечом открыл дверь и вывел меня на утреннее пекло.

– Готов по пивку?

– Я за рулем.

– Не, теперь уже я.

Он обошел капот и пролез за руль. Я секунду выждал, а потом тоже сел в машину, справа от него.

– Открывашка – в кулере.

Я огляделся по сторонам. Копов не видно. Всем вроде пофиг. Порывшись в россыпях льда, я вытащил пару бутылок «Миккелоуба», открыл, передал одну Джейсону. Он одним махом выдул чуть ли не треть, а потом вырулил на четырехрядную дорогу и двинул по ней на восток. Я держал свою бутылку между коленями, нервно отхлебывая из нее, когда мы проскакивали в открывающиеся просветы между машинами.

– Классная тачка, – бросил Джейсон.

– Да?

– А вот нам с Робертом приходилось ходить пешком...

Я поискал в его словах упрек, но не нашел. Я мог бы рассказать ему, как скопил денег на эту машину, зарабатывая стрижкой газонов и заправляя лодки, но не хотел разрушать настроение. Его пальцы, как влитые, улеглись в углубления в рулевом колесе. Прибавив газу, Джейсон довольно присвистнул, впечатленный быстротой разгона. За какие-то секунды мы уже делали шестьдесят при ограничении в сорок пять, и он счастливо улыбался, как человек, только что вышедший из тюрьмы. Затем повез нас дальше к востоку, а потом к северу, огибая город, пока мы не оказались в богатом районе, заполненном сияющим стеклом, деревьями и автомобилями, стоящими на выделенных парковках, а не прямо на улице.

– Насчет этих девушек... – Он подрулил к тротуару. – Не дай им себя запугать.

– Не дам. А что...

– Дамы!

Джейсон выпрыгнул из машины, когда из дверей ближайшего кондоминиума появились две молодые женщины. Передо мной промелькнул размытый образ махровой ткани, тоненьких шортиков и голой гладкой кожи. С хихиканьем спустившись по ступенькам, они встретились с Джейсоном на тротуаре, и каждая, поднявшись на цыпочки, чмокнула его в щеку. Та, что ниже ростом, притянула его голову к себе, словно чтобы пошептать.

– Так это он?... А он симпатичней, чем ты рассказывал. Смотри, Сара! Я же тебе говорила!

Обе во все глаза смотрели на меня – обе без лифчиков под маечками, загорелые. На голове у блондинки красовалась лента с бирюзовым камешком во лбу. У той, что поменьше ростом, лента была украшена перьями.

– Ну вот и отлично, – сказал Джейсон. – Дамы – прошу на заднее сиденье. Братишка поедет со мной.

– У-у...

– Потом поделюсь. Ну давайте уже. Грузитесь.

Он махнул на машину, и девушки устроились у меня за спиной. Высокая блондинка заговорила первой, мягким и спокойным голосом.

– Я Сара, – представилась она. – А это Тира.

Я попытался что-то вежливо ответить, но совершенно потерялся в облаке духов, длинных ног и промелькнувшей в вырезе свободной маечки бледной высокой груди.

– О боже, да он покраснел! Как восхитительно! – Тира перегнулась через спинку сиденья, и я ощутил ее дыхание у себя на шее. – Как тебя зовут?

– Гибби.

– А сколько тебе лет, Гибби?

– Ему восемнадцать, – вмешался Джейсон. – На прошлой неделе исполнилось.

– О боже! Просто чудесно! – Тира стиснула меня за плечи, заливаясь смехом, но тут мои глаза встретились с глазами Сары. У нее они были голубыми, чуть зеленоватыми, и изучали меня совершенно спокойно и неподвижно.

– Приятно познакомиться, Гибби. Это твоя машина?

Я начал что-то отвечать, запинаясь, и Тира наклонилась вперед, опять блеснув все той же бледной кожей.

– А тебе идет, по-моему. Машина, в смысле.

После этого она откинулась на сиденье и отвернулась. Я ощутил трепет, пустоту. Вернулась понимающая улыбка Джейсона.

– Итак, мальчики и девочки... – Он завел глухо взрыкнувший мощный мотор. – Кто готов немного повеселиться?

* * *

Веселье началось еще в машине и после часа с небольшим езды переместилось на гравийную дорогу, которая петляла по практически дикому лесу, протянувшемуся вдоль южного побережья самого большого озера штата. В косых лучах солнца за деревьями проблескивала вода. Бледная пыль поднималась за машиной, пока Джейсон увозил нас все дальше от жилых районов, лодочных слипов и парков. Девушки приканчивали уже вторую бутылку вина, без умолку болтая и задавая всякие вопросы, отвечать на которые Джейсон явно предоставлял мне. О чем бы ни заходила речь, он предпочитал просто улыбаться, или прикладываться к пиву, или время от времени вставлять что-нибудь вроде: «А знаете, у кого есть по этому поводу отличный анекдот?»

Дело в том, что я и вправду знаю кучу классных анекдотов. И когда бы он это ни говорил, покосившись в мою сторону, я в точности знал, что сказать и как именно это сказать. Может, сказывалось булькающее во мне пиво, или же его уверенность в себе оказалась заразительной. Но в чем бы ни было дело, девушки реагировали нужным образом. Тире нравилось хохотать во все горло – губы у нее были розовыми, как внутренняя поверхность морской раковины, зубы такими же блестящими и влажными. Реакция Сары была более сдержанной, но более лестной. Она трогала меня за плечо и наклонялась ближе, ее улыбка была мягче, интимней и загадочней. Я словно оказался во власти какого-то волшебного заклятья, которое очень боялся разрушить. Развевающие на ветру волосы. Тепло ее руки.

– А куда ты нас вообще везешь?

Тире пришлось поднять голос, чтобы задать этот вопрос, но Джейсон никак не отреагировал. Свернул на развилке вправо, и автомобиль запрыгал на ухабах заросшей колеи, заканчивающейся на лугу, заросшем дикими цветами. За ним на многие мили раскинулось озеро – разлив гладкого стекла, обрамленный лесом, холмами и высоким пустым небом. Когда мы наконец остановились, Тира встала во весь рост и стянула с носа солнечные очки.

– Ни фиги себе!

Мы выбрались из машины во всю эту безмятежную тишь.

– Как ты нашел это место? – спросил я.

– Это не я. Это Роберт.

Я сделал несколько шагов в сторону озера. Цветы ковром укрывали землю – тысячи цветов многих тысяч оттенков. Легкий ветерок рябил воду у самого берега, превращая ее в россыпь играющих на солнце драгоценностей.

– Почему ты никогда меня сюда не привозил? – спросил я.

Джейсон подошел ближе и сунул мне в руку только что открытую бутылку.

– А я не знал про него.

– Как это так?

– Роберт и меня сюда не привозил. Пока его не отправили на войну.

– В каком это смысле?

– Он заезжал домой перед самой отправкой. Помнишь?

– Конечно.

– Он привез меня сюда прямо перед тем последним ужином; мы были только вдвоем. Солнце уже садилось. Было холодно. Он сказал, что нашел это место, когда ему было шестнадцать, и хотел, чтобы я знал про него – просто на всякий случай. Помимо этого, Роберт особо ничего и не говорил. Мы выпили пива и посмотрели, как садится солнце. По-моему, он был немного испуган.

– Почему он держал его в секрете?

– Мы же близнецы, верно? А значит, делили на двоих практически всё, хотели мы этого или нет. Дни рождения. Одежду. Даже подружки нас порой путали. По-моему, ему хотелось придержать это место для себя, только для себя одного. Ты стал бы его в этом винить?

Вопрос явно не требовал ответа, учитывая красоту и умиротворяющую тишь вокруг. Интересно, подумал я, кому на самом деле все это принадлежит – но только лишь на секунду. Мыслями я опять вернулся к Роберту. Оказалось легко представить его здесь все эти годы назад, одного или с какой-то особенной девушкой. Было немного обидно, что он привез сюда Джейсона, а не меня, но они ведь и вправду были близнецами. Иногда я про это забывал.

И совершенно забыл и про девушек тоже.

– Никто не хочет искупаться? – Вдруг рядом с нами возникла Тира, успевшая ухватить Джейсона за руку. – Как насчет тебя, красавчик?

Она со смехом стянула через голову маечку. За майкой последовали шорты, и вот она уже совершенно голая мчится среди цветов. Я никогда еще не видел следы от загара на голых девушках – да и вообще никогда не видел голых девушек.

– Подержи-ка.

Джейсон сунул мне свое пиво и небрежно двинулся через луг. Он не спешил, и Тире определенно это нравилось. Она отвернулась, лукаво изображая стыдливость, а потом с плеском забежала по пояс в воду, прикрыв груди, пока Джейсон тоже разоблачался – с таким неспешным достоинством, что я едва ли мог представить себя на его месте. Он был отмечен войной и по-тюремному бледен, но мускулист, уверен в себе и непоколебим. Никогда не думал, что смогу завидовать Джейсону, но вдруг почувствовал себя именно так.

– Они уже были вместе пару раз. – Рядом со мной появилась Сара, глаза которой были нацелены на Джейсона, хотя на Тиру она тоже поглядывала. Те сошлись на более глубокой воде, разок приникли друг к другу в долгом поцелуе, а потом саженками поплыли прочь от берега, плеская друг на друга водой и хохоча.

– Нам необязательно купаться, – сказала Сара. – Пошли. Я нашла тенек.

Не знаю, почувствовал ли я облегчение или разочарование. Она почти небрежно взяла меня за руку и повела к утоптанной прогалине под плакучей ивой, где кто-то давным-давно поставил деревянные садовые кресла, уже серые и гладкие от времени. Усадив меня, Сара склонилась надо мной, упершись руками мне в колени, и легонько поцеловала.

– Думаю, нам не стоит путаться у них под ногами.

Потом она отодвинулась, слегка раздвинув губы; улыбка осталась только у нее в глазах. Уселась в кресло рядом со мной, но кончики ее пальцев остались у меня на коленке – собственническое прикосновение, которое согрело мне душу.

– Расскажи мне про Гибби Френча.

– А что ты хочешь знать?

– Ты когда-нибудь был с девушкой?

Ответил я честно – но и день был такой.

– Нет. Вообще-то нет.

– Но у тебя были подружки?

– Ничего серьезного.

– Это хорошо. Мне это нравится. – Сара пригубила вина, продемонстрировав безупречный профиль.

– Ну а как насчет тебя?

– Мужчины – да. Отношения – нет. – Она показала зелено-голубые глаза. – Тебя это шокирует?

Я помотал головой – соврал все-таки, хоть и молча! – и попытался действовать с той же прямоотой, что и она.

– А тебе сколько лет?

– Двадцать семь.

– Как ты развлекаешься?

– Это хорошее начало...

Ее рука двинулась по моей ноге, но как-то рассеянно. Ее глаза медленно прикрылись, на губах играла едва заметная улыбка. Я украдкой бросил взгляд на ее длинные ноги, на тонкую рубашечку, на маленькие безупречные груди. Это длилось всего секунду-другую, после чего я отвернулся, стыдясь самого себя. Я совершенно не представлял, что сказать или сделать, и Сара это прекрасно понимала.

– Просто дыши воздухом, Гибби Френч. Денек просто чудесный.

* * *

Денек был и вправду чудесный. Мы успели переговорить обо всем на свете. Пили и смеялись, и как-то, прямо после очередной фразы, она поцеловала меня еще раз. Этот поцелуй длился дольше, уверенный и самый настоящий. После это мы стали смотреть, как Джейсон с Тирой плещутся в воде, и отвернулись лишь тогда, когда они вышли из озера, чтобы уединиться в укромном местечке среди травы и цветов. На миг я испытал неловкость, но Сару это явно не смутило. Она встала с грацией, которую я от нее и ожидал, а потом устроилась у меня на коленях, согрив мое лицо ладонями, и вновь поцеловала меня. Это был женский поцелуй – совсем не такой, с какими я был знаком по школьным девчонкам. Никакой неловкой возни, застенчивости или сомнений. Сара накрыла нас обоих тенистым шатром из своих длинных волос, отгородив ими наш общий с ней личный мирок, и в этом мире она тоже устанавливала правила. Крепко прижалась и тут же отпрянула, обещая и дразня. Засунула мою руку себе под рубашку, крепко стиснула мои пальцы своими, и время – по крайней мере, для меня – вдруг резко замедлило бег, а то и вовсе остановилось.

– Смотрю, вы уже спелись...

Это был мой брат, причем совсем близко. Сара отодвинулась от меня, но не спеша. Еще раз стиснула мои пальцы, а потом отпустила.

– Он классный, – сказала она. – Он мне нравится.

– Я так и думал.

Сара повернулась у меня на коленях, привалившись плечом мне к груди и устроившись поуютней. Тира одевалась у края воды. Увидела, что я смотрю, и помахала нам.

– Как водичка? – спросил я.

Джейсон крикнул через плечо:

– Тира, детка? Как водичка?

– Супер!

Тира двинулась сквозь цветы, улыбаясь до ушей. Джейсон крепко притянул ее к себе и вопросительно приподнял бровь.

– Кто-нибудь проголодался?

* * *

Через несколько часов мы вновь сидели в машине – желтый свет среди деревьев, небо у нас над головами просто невероятно синее. Джейсон вывез нас обратно на твердый асфальт и в мир за деревьями, двинувшись маршрутом, который не имел для меня никакого смысла: сначала к северу, потом к востоку, потом опять к северу. Я никогда раньше не видел эту часть штата – многие мили леса и возделанных полей, потрескавшегося асфальта и крошечных городков, нанизанных на дорогу, словно бусины на нитку. Я ехал на заднем сиденье с Сарой, которая столь же молча и умиротворенно, как и я, наблюдала за окружающей обстановкой, прикрыв глаза круглыми солнечными очками с розовыми стеклами. Одной рукой она рассеянно поглаживала себе горло, другая лежала у меня на ноге. Без умолку болтала только Тира на переднем сиденье.

– Куда это ты нас везешь?

Джейсон пожал своими широкими плечами.

– Просто еду.

– А можешь быстрее?

Джейсон энергично разогнал машину, сдувая пыль с асфальта и сор с обочины.

– Теперь довольна?

– Только если ты меня тоже поцелуешь!

Он как следует поцеловал ее, одним глазом присматривая за дорогой. Когда поцелуй прервался, Тира громко рассмеялась и выставила руки над ветровым стеклом, под напор горячего воздуха.

– Давай быстрее!

Джейсон вдавил педаль в пол, и автомобиль опять рванулся вперед. Восемьдесят пять.

– Да! Да!

Скорость словно электризовала ее, наполняя энергией. Тира пару раз подскочила на кожаном сиденье, одним махом прикончила остатки вина и через голову швырнула пустую бутылку во взбаламученную струю воздуха за кормой машины. Та хлопнула об асфальт позади нас, звездой разлетевшись на множество вспыхнувших на солнце осколков, и когда я посмотрел на Сару, та слегка приподняла свое узенькое плечо.

– Тира в своем репертуаре...

День после этого немного потерял свою прелесть. Тира меня особо не волновала, но на фоне непринужденного спокойствия Сары она несколько упала в моих глазах.

– Купим еще бухла?

Тира прокричала это сквозь рев ветра, сунув Джейсону под нос руку с растопыренными пальцами, и он с размаху хлопнул по ней своей ладонью. Минут через двадцать мы остановились в главном квартале узенькой центральной улицы какого-то очередного городишки. Обочина косо заваливалась туда, где рябой асфальт встречался с облупленным фасадом магазина «Эй-би-си», в котором, по словам Джейсона, он как-то затаривался.

– Я мигом.

– А что это за городок? – спросил я.

Это было пыльное местечко с узенькими двухполосными шоссеиками, мигающими желтыми светофорами и приземистыми разномастными строениями. Я увидел ребятню на великах, стариков, трактор с прицепом под навесом кормохранилища...

– А какая разница? – отозвался Джейсон.

Девушкам это уж точно было без разницы. Они стали переговариваться через спинку сиденья, когда Джейсон скрылся внутри, и я стал смотреть на него сквозь витринное стекло. Стоящий возле кормохранилища трактор затарахтел, пыхнув сизым дымом, выехал на боковую

улочку и исчез из виду. В воздухе стоял запах цветочной пыльцы, сосновой смолы и горячего асфальта. Сара заткнула прядку волос за ухо, и я увидел пульсирующую жилку у нее на горле, румянец на щеке.

– Эй, Гибби! Вообще-то я к тебе обращаюсь!

Я отвел взгляд от лица Сары. Тира перегибалась через переднее сиденье, зажав двумя пальцами сигарету. Помада оставила на фильтре красный ободок. «Вирджиния слимз». Ментоловые.

– Прости. О чем ты говорила?

Она забралась на сиденье с ногами и еще дальше перегнулась через спинку.

– А это правда, что говорят про твоего брата?

– Тира, вообще-то некрасиво...

– Не лезь, Сара! Я с Гибби разговариваю!

Сара опять попыталась сменить тему, но в глазах у Тире появился какой-то странный голодный блеск. Она подалась ко мне еще ближе, навалившись ребрами на верхнюю часть спинки.

– Говорят, что он убил кучу людей.

– В самом деле? – отозвался я.

– В смысле, на войне. А может, даже и в тюрьме.

– Вообще-то я не особо в курсе.

– Но вы же братья?

– Тира...

– Да это ж круто, Сара! Классно! Все эти шрамы, истории... Сама же наверняка так думаешь.

– Вообще-то я не думаю, что это круто. Если это действительно так, то это печально. А если нет, тогда ты ведешь себя просто глупо.

– О, как будто ты сама с ним не перепихнулась бы!

Сара сняла солнечные очки и показала мне свои глаза.

– Прости, Гибби. Она становится слишком упертой, когда выпьет. – Опять посмотрела на Тире. – Упертой и вздорной.

– Сама ты вздорная!

– Прекрати, Тира.

– Ладно. Как скажешь.

Резко отвернувшись, Тира плюхнулась обратно на сиденье, потянулась к радио и принялась крутить ручку настройки, пропустив Джона Денвера и «Холлиз», прежде чем остановиться на Эрике Клэптоне⁷ и прибавить громкость. Меня ничуть не удивляли ее чувства к моему брату. Я уже видел нечто подобное, в той или иной форме. Восторг. Отвращение. Джейсон понимал, какое производит впечатление, но особо не обращал на это внимания. Практически не снимал темных очков, большей частью отмалчивался.

Вернувшись в машину, мой брат явно уловил возникшее напряжение.

– Что такое?

Когда он скользнул на водительское сиденье, Тира лишь помотала головой, сложив руки на груди. Попыталась спустить все на тормозах.

– Веселье без тебя буксует. Вот и всё.

– Ну что ж, я снова здесь. – Джейсон порылся в бумажном пакете. – Вина не было, но я взял вот это.

---

⁷ *Джон Денвер* (1943–1997) – американский певец и автор песен, самый коммерчески успешный сольный исполнитель в истории фолк-музыки и кантри; «Холлиз» – британская рок-группа, исполняющая музыку в стиле бит, создана в 1962 г.; *Эрик Клэптон* (р. 1945) – британский композитор, гитарист, вокалист, один из самых уважаемых и влиятельных рок-музыкантов мира.

Вытащив две пинтовые бутылки водки, одну он передал Саре, а другую Тире, которая тут же открутила крышечку и сделала порядочный глоток.

Сара тронула подругу за плечо.

– Все у нас хорошо?

Опять хлебнув из горлышка, Тира демонстративно обратилась к Джейсону:

– Поехали уже, ладно?

Тот без лишних слов повиновался, сдав задним ходом через бордюр и медленно покотив через городок. Детишки молча провожали нас взглядами, старики тоже. День над пустынными шоссеками за городом был столь же чистым и ярким, но настроение в машине переменялось. Тира дулась и постоянно прикладывалась к бутылке. По-хозяйски положила руку на колено Джейсону и поглядывала на Сару, словно бросая вызов, которого никто не понял и до которого никому не было дела.

– Держи. – Сара передала мне бутылку, но я особо не привык к чистой водке.

– Точно не будешь? – спросила она.

– Да, с меня хватит.

Она убрала руку с бутылкой, отпила несколько глоточков и подставила руку под тугий напор горячего воздуха за бортом машины. После этого никто практически не разговаривал. Играло радио. Жарило солнце. Я с любопытством изучал плоский ландшафт вокруг, дивясь тому, насколько высоко вымахали отдельные деревья, стоящие в полном одиночестве посреди чистого поля.

Около четырех часов дня мы подъехали к перекрестку и свернули вправо, что завело нас в сельскую местность еще глубже. Впервые за все это время приложившись к бутылке Тиры, Джейсон махнул на вырастающую в солнечном мареве впереди стену соснового леса, окаймленную понизу полоской белого песка.

– Здесь начинаются песчаные дюны. Еще час или около того, и мы опять свернем к западу. Все довольны?

Как ни странно, лично я был доволен, и не только из-за Сары. Да, ее рука опять лежала у меня на ноге, но Джейсон был по-прежнему великолепен, а едва прикрытое возмущение Тиры было достаточно легко игнорировать. Я подумал, что день обрел второе дыхание, что все у всех хорошо.

В этом я ошибался.

Первый звоночек прозвенел, когда Тира опять надолго приникла к бутылке, и Джейсон бросил ей:

– Не пора ли тебе притормозить?

Вместо этого она опять сделала порядочный глоток, прибавив громкости в радио.

– Нельзя немного прикрутить звук? – попросил я. – Тут новые динамики.

Но она лишь сделала радио еще громче. Джейсон искоса понаблюдал за ней, а потом сказал мне:

– Я куплю тебе новые, если она их спалит.

– Вот, блин, и правильно! – громко объявила Тира, подставляя лицо ветру.

После этого Джейсон повез нас к югу. Поначалу на дороге мы были совершенно одни, но потом обогнали какой-то пикап и старый раздолбанный седан, которые быстро остались далеко позади. На семидесяти милях в час наш автомобиль стоял на дороге, как влитой, когда мы взлетели на вершину небольшого холма и увидели в миле или двух впереди автобус, неспешно катящийся в том же направлении, что и мы. В висящем над раскаленным асфальтом призрачном мареве он казался наполовину реальным, а наполовину миражом – белый силуэт, который поначалу парил над дорогой, а потом стал быстро обретать четкие очертания, когда Джейсон прибавил до семидесяти пяти, а потом до восьмидесяти – дорога идеальной прямой линией

разрезала мир, состоящий из ветра, солнечного света и чахлого кустарника. Автобус увеличился буквально на глазах, пока мы неслись ему вслед, и я чувствовал, что скорость все растет.

– Блин!

Нога Джейсона вдруг слетела с педали газа, когда мы подкатили к автобусу чуть ли не вплотную. Наша машина стала отставать – вот мы в пятидесяти ярдах от него, потом в ста...

– Что такое? – спросил я.

– Ничего, – отозвался Джейсон. – Рефлекс.

Я перевел взгляд с брата на дорогу и наконец понял, в чем дело, – по крайней мере, частично. По белому задку автобуса тянулись узкие черные буквы.

ЛЕЙНСВОРТСКАЯ ТЮРЬМА ПЕРЕВОЗКА ЗАКЛЮЧЕННЫХ

И только тут я обратил внимания на окна – на проволочную сетку в стальных рамах. Увидел и эков внутри.

– Ты как? – спросил я.

– Нормально, братишка. Нет проблем.

Впервые за все это время я увидел, как хоть что-то, связанное с тюрьмой, задевает моего брата. На суде он был спокоен и холоден, даже когда огласили вердикт – виновен. Он тогда долгую секунду смотрел на меня, а потом молча протянул руки приставам, уже приготовившим наручники. Я раз навещал его после этого в тюрьме, и даже тогда Джейсон был настроен довольно легкомысленно, как будто ровным счетом ничего и не произошло. «Ты еще слишком мал, чтобы на все это любоваться, – сказал он мне. – Через пару лет свидимся». Это было правило, усвоенное с детства – что Джейсон не такой, как все остальные из нас, и теперь было странно увидеть в нем хоть что-то от самого обычного человека.

– В чем проблема, красавчик? Жми!

Тира была нетерпелива, пьяна и жаждала скорости, как наркоман жаждет наркотика. Она дергалась под музыку, привстав с сиденья, почти приплясывала. Джейсон нахмурился, но прибавлял газу, пока разрыв не сократился и я не смог получше рассмотреть автобус. Он был заполнен примерно наполовину – может, человек пятнадцать заключенных; одежда их была черно-белой, как и сам автобус. Мы висели у них на хвосте целую минуту, и никто, кроме меня, не заметил, что Джейсон вдруг взмок от пота. Тира вроде с головой ушла в музыку, но тут оказалось, что это далеко не так.

– Эй, аллэ! Зэки!

Прозвучало это грубо, бесчувственно и жестоко, типа как из уст того, кто только что увидел, как его добрый приятель оступился и брякнулся на землю, и теперь ехидно усмехается себе под нос. Может, я был неправ, но подобное уродство в такой красивой женщине меня несколько напрягло.

Сквозь грязное заднее стекло автобуса на нас таранились двое заключенных. Тира хлопала в ладоши и ухмылялась, подсакивая на сиденье.

– Подъедь к ним сбоку! Ближе!

Джейсон почти машинально прибавил газу, правой рукой крепко вцепившись в руль.

– Ну да, вот так! Сбоку!

Он перестроился на встречу, а Тира развернулась на сиденье, наблюдая, как ряд зарешеченных окон медленно проплывает мимо. Кроме нас, на дороге никого не было – только мы, автобус и следующее озерцо призрачного марева на голой плоской равнине далеко впереди.

– Не так быстро! – выкрикнула Тира. – Ближе!

– Вообще-то нехорошо ... – тихо произнес Джейсон, но Тира пропустила его слова мимо ушей. Мужчины в автобусе теперь всю наблюдали за нами, вцепившись пальцами в сетку.

Ти́ра привстала, левой рукой держась за край ветрового стекла, и принялась дразнить их, выпятив грудь, извиваясь и посылая воздушные поцелуи.

– Ти́ра... – все тем же потерянным тоном произнес Джейсон, не отрывая глаз от дороги впереди, словно ни единая часть его не желала перевести взгляд вправо. Теперь он был даже еще бледнее, чем вчера, когда я впервые его увидел.

– Джейсон, обгоняй его! – Я подался вперед.

Рука Ти́ры нащупала его плечо.

– Даже, блин, не думай!

Колебался он всего несколько секунд, но этого оказалось достаточно. Ти́ра задрала майку, открывая голое тело и радостно хохоча. Груды у нее были большими и бледными, но я смотрел не на них, а на заключенных. Если она собиралась доставить им удовольствие, то явно просчиталась. Я видел на их лицах лишь злость, горечь или печаль. Только один мужчина во всем автобусе улыбался, и это была такого рода улыбка, которую я надеялся больше никогда в жизни не увидеть.

– Ти́ра, хватит! – Я повернулся к Саре в поисках поддержки, но она лишь отвернулась, коротко покачав головой. Мужчины в автобусе начали вскакивать со своих мест; семь или восемь из них переметнулись с противоположной стороны, тоже вцепившись пальцами в сетку.

– Во, любуйтесь! – выкрикнула Ти́ра.

Она залезла себе свободной рукой между ног, потирая бедра и все еще выставив напоказ сиськи. Один из прильнувших к окнам врезал кулаком по сетке, потом еще кто-то последовал его примеру. За их спинами по проходу уже двигался охранник, расталкивая заключенных и что-то крича. Те тоже принялись орать, большинство из них уже вскочили на ноги. Охранник оттащил одного эка от окна, потом другого. Третий толкнул его в ответ, и в этот момент автобус вильнул влево, заехав правыми колесами на прерывистую линию разметки, вынудив Джейсона выскочить на противоположную обочину. Под шинами затрещал гравий. Машина затряслась, завиляла, кое-как выровнялась.

– Господи, Ти́ра! – выкрикнул я, но она явно была в полном восторге.

Появился еще один охранник, его дубинка резко вздымалась и опадала. Это был бунт, на наших глазах переходящий в натуральную бойню. На одно из стекол автобуса брызнула кровь.

– Джейсон, хватит уже!

Мой окрик вроде наконец достиг цели. Джейсон не стал делать резких движений, просто снял ногу с педали газа и позволил автомобилю катиться по инерции. Автобус вырвался вперед, и я углядел движение за его задним стеклом – к нему прильнул заключенный, тот самый, улыбающийся. Он не сводил глаз с Ти́ры, а потом лизнул стекло. Она этого не видела. Рухнула на обратно сиденье, оправила майку.

– Это было офигительно!

Автомобиль все больше замедлял ход, шум ветра стихал. Никто не ответил на это восклицание, и она удивленно огляделась по сторонам.

– Что такое? Да ладно вам! Видели рожи этих парней?

Джейсон зарулил на обочину и остановил машину.

– Это было глупо, Ти́ра.

– Ой, да прекрати!

– Глупо, мерзко и жестоко.

– Господи... Да что ты прямо как маленький?

– Мне нужно немного подышать.

Выбравшись из-за руля, Джейсон отошел по дороге футов на тридцать и остановился, засунув руки в карманы. Уставился на горизонт и на последний слабый проблеск солнечного света на стекле удаляющегося автобуса.

– Ждите здесь, девчонки! – с не свойственной мне властностью приказал я и прошел по пыльной дороге туда, где в нее упирались высокие ботинки моего брата. При звуке моих шагов Джейсон коротко обернулся, а потом прикрыл глаза и поднял лицо к солнцу.

– Прости, что так вышло, – произнес он.

– Ты в порядке?

– Не знаю. Наверное.

Это был не тот ответ, какого я от него ожидал – слишком уж честно и, опять-таки, слишком уж по-человечески.

– Это было мерзко, братишка. Тира ведь знает, что ты сидел.

– Может, она забыла...

– А может, ей на это плевать.

Джейсон уклончиво поднял плечи. Автобус вдали блеснул на солнце еще раз, после чего исчез из виду. На дороге воцарилась полная тишина. Мой брат был все еще бледнее обычного.

– Не хочешь рассказать, что вообще происходит?

– Это все равно как рана, которая никак не затягивается и все кровоточит помаленьку, – все это.

Я не совсем понял, что он имел в виду. Тюрьму, предположил я. Воспоминания. Джейсон положил руку мне на плечо, изобразил улыбку.

– Хорошо повеселился сегодня?

– До Тиры. Сам понимаешь.

– Тира... Ну да. – Он посмотрел на машину, и мы увидели все ту же картину: нетерпеливо подсакивающую и раскрасневшуюся Тиру, Сару на заднем сиденье... – Надо мне было сразу вмешаться.

– Хочешь, сяду за руль?

– Не.

– Ну что, домой тогда?

– Да, пожалуй. Почему бы и нет... Но только ты садись рядом со мной.

Тире это явно пришлось не по вкусу, но никого это не волновало. Она рухнула на заднее сиденье, словно рассерженный ребенок, допилась по дороге до мрачного ступора и хлопнула Джейсона по руке, когда он попытался помочь ей выбраться из машины.

– Сара? – произнес он.

– Тира! Мы дома. Пошли.

Та прищурилась на здания, деревья, на садящееся над чистой травой солнце.

– Сама справлюсь!

Не оглядываясь, Тира направилась к дому и, спотыкаясь, зашла внутрь. На миг я остался наедине с Сарой, но настроение у нее тоже ушло. Она чмокнула меня в щеку, бросила: «Ну, пока!» и двинулась к тому же крыльцу.

Той ночью в постели я пытался держаться за все хорошее, что застряло в памяти: усыпанный цветами луг, вкус губ Сары... Проигрывал день, словно кинолентку, но эта пленка постоянно рвалась. Я видел избивание в автобусе, взлетающие и опускающиеся дубинки, разбрызгивающие кровь, словно красную краску. Это была петля, повторяющаяся снова и снова: трясающая голыми сиськами Тира, странно застывший Джейсон... Я видел всех этих мужчин – их похоть и гнев, – но когда наконец заснул, эта петля сжалась еще сильнее, стала еще меньше. Во сне я видел лишь одно лицо, одного-единственного человека. Он стоял в задней части автобуса, уставившись на нас по-стариковски слезящимися глазами – и это все, что я помнил, когда проснулся.

Его язык на грязном стекле.

Эту жуткую, мерзкую улыбочку.

5

В автобусе все утихло очень не скоро, что было вполне объяснимо. Охранники любят пустить в ход кулаки; заключенные любят бунтовать. Одного из охранников сбили с ног. Заработали дубинки – кровь по всему полу. Лишь один заключенный вышел сухим из воды – он всегда выходил сухим из воды. Частично по собственному выбору, частично по причине возраста. После семидесяти трех лет на этой грешной земле он был слишком уж дряхл и немощен, чтобы большинство зэков даже просто обращали на него внимание. Пятьдесят два года – вот сколько он уже отсидел за решеткой. Больше полувека за изнасилование и убийство двух сестер-близняшек аж в тысяча девятьсот двадцатом. Прикрыв глаза, он мог по-прежнему увидеть день, когда все это произошло: двух худеньких девчушек на красной грунтовой дороге, всю эту пустоту и вдруг растянувшееся как резина время, полевые цветочки, которые они заткнули себе за уши...

Но все это было в какие-то незапамятные времена.

Наблюдая за вспышкой насилия в автобусе, старый зэк держался спиной к окну, проигрывая в голове расстановку сил. Четверо охранников и водила. Семнадцать заключенных. Те были в кандалах, но кандалы тоже могут служить оружием. А вот и свидетельство тому: Джастин Янгблад, тюремный охранник сорока лет от роду. Трое сидельцев завалили его на пол, цепь у него между челюстей, трещат зубы, и он истошно визжит.

«Шестьдесят к сорока, цирики», – подумал старый зэк.

Но теперь автобус ровно шел по дороге – водитель успел опомниться и уже прижимал к губам микрофон рации, выкликая так, чтобы все его слышали: «Двадцать третье шоссе! В шести милях к востоку от съезда с автострады! Немедленно высылайте подмогу!»

Водителя уберегла проволочная сетка. Глухая, из салона не пробраться, даже если отобрать у охранников ключи.

«Восемьдесят к двадцати, тогда».

Он слышал это, словно видел собственными глазами. Удары по ногам – в надкостницу, в коленные чашечки. В лицо.

Вот для чего существуют дубинки.

Когда последний из его сотоварищей был избит в кровавую кашу, старый зэк опять оглянулся на машину, но уже не увидел ее. Хотя он отлично помнил каждое лицо и каждый жест. Если б дожил до ста лет, то все равно легко узнал бы и девиц, и мужчин. Так уж он был устроен – никогда не забывал ни лиц, ни обид, ни причин для гнева. То, как она демонстрировала себя, дразнясь... Он будет мечтать об этой брюнетке столько лет, сколько ему осталось. Купаться в темных фантазиях. Фантазиях, полных жестокости и насилия.

Но реально важен был водитель той машины, и старый зэк представил его себе таким, каким тот был в заключительные секунды: пот и мертвенно-бледная кожа, вцепившиеся в руль пальцы, заторможенные движения... Он ведь сидел в Лейнсворте, припомнил старик, а там сейчас находился один заключенный, готовый дорого заплатить за точное описание того, что только что произошло. Ему захочется вызнать все до мельчайших подробностей. «Какое было освещение? Расскажи мне про дорогу, про ветер, про траву на обочине...» Он станет расспрашивать про девушек и про того паренька помоложе, но лишь как об отражениях водителя. Старый зэк способен все это ему предоставить: во что они были одеты, как каждый из них себя вел, цвет волос, оттенок кожи, размеры лифчиков у девиц... Тот, что помоложе, был практически совсем еще мальчишка, но тому заключенному в Лейнсворте понадобятся все подробности и про него. Хотя под конец все обязательно сведется опять к водителю. «Как он тебе показался? Как он выглядел?» Перед тем как закончить, они поговорят о машине. И вот тут-то разговор станет более предметным, а старый зэк разыграет свой главный козырь. Немного

покочевряжится для виду, чтобы набить цену, вытребовать еще денег и особых одолжений, но в итоге все это выложит. Буквы и цифры тоже легко всплыли в памяти.

XRQ-741.

Такой был номерной знак на этом «Мустанге».

6

Следующий день прошел как в тумане. Я стриг траву, разбрасывал мульчу, перешучивался с отцом. Он не расспрашивал про то, как я провел день с Джейсоном, но временами я ловил его на том, что он пристально смотрит на меня, словно некое видение могло возникнуть прямо где-то в воздухе между нами.

Понедельник был учебным днем, как и всегда, но всем в школе хотелось поговорить про Джейсона и его прыжок с утеса, услышать и более темные истории. Я из всех сил старался от таких приставал отбиться. Это получилось со всеми, кроме Ченса.

– Ты не думаешь, что он просто ищет смерти?

Мы были на школьном дворе. Принесенные из дому сэндвичи в бумажных пакетах. Стайка девчонок поблизости.

– Что за хрень ты несешь, Ченс?

– То, как он прыгнул, чувак! Словно и не думал об этом, словно ему было плевать. Говорят, что война портит людей. Доводит до помешательства.

Я откусил кусок сэндвича, медленно прожевал.

– Не думаю, что в этом дело.

– Но четыре секунды, чувак! Господи! Казалось, будто это длилось целую вечность, словно он просто завис там, и тут... *бам!* Я думал, что всё, конец. Честно думал.

Мне не хотелось говорить про Джейсона, даже с Ченсом.

– Давай оставим эту тему, хорошо? Он прыгнул. Я – нет. И что с того?

– Эй, чувак! Остынь!

– Я совершенно спокоен.

– Знаешь, мой двоюродный брат видел его вчера вечером в «Каретном сарае». Он там повздорил с какими-то мутными мужиками.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Вроде как с байкерами.

– Да иди ты...

Ченс глотнул колы.

– Типа как с «Ангелами ада». Там была драка или что-то в этом роде. Кое-кому крепко досталось.

– Папа мне ничего такого не рассказывал.

– Так байкеры же, чувак! Не думаю, чтобы они побежали жаловаться копам.

Я на это не купился. Все эти рассказы Ченса – обычно полное фуффло. «Шарлотта Букер разделась догола на вечеринке у подружки»... «Майк Эслоу спит с мамой Бадди»... Вот как у него мозги работают.

– Эй, эй! Боевая готовность! – вдруг прошептал он, пихнув меня в ребра. – Бекки Коллинз! На трех часах.

Бекки появилась из крытого перехода, ведущего из столовой в спортзал. Джинсовая юбка, белые виниловые сапожки до колен... Пересекая двор, она направлялась напрямиком к нам, а когда остановилась, мои глаза были направлены в землю. Я видел лишь ее согнутое колено и английскую булавку, которой была закинута «молния» левого сапога.

– Привет, Гибби, – произнесла она. – Привет, Ченс.

Обеими руками Бекки прижимала к груди стопку учебников. «Высшая математика». «История Европы». Было легко забыть, какая она умная. Люди обычно фокусируются на волосах, на ногах, на глазах – ослепительно-синих, как васильки.

– Привет...

Бекки нахмурилась, когда я наконец поднял на нее взгляд.

– Я ждала тебя там, на карьере, – сказала она. – После того, как твой брат спрыгнул с утеса. Почему ты не подошел поговорить со мной?

«Потому что я зассал прыгнуть...»

«Потому что ты была с другими парнями...»

Я пробормотал некий ответ, который ее явно не удовлетворил. Ченс рядом со мной ухмыльнулся, прикрыв рот тыльной стороной ладони.

– Ты и здесь меня почему-то совершенно игнорируешь.

– Гм...

– Ты вообще собираешься меня куда-нибудь пригласить?

– Гм... Что?

Похоже, что гмыканье стало моим новым языком общения. Притопнув ножкой, Бекки изложила все крайне открытым текстом.

– Мы уже давно пляшем вокруг да около, но учебный год уже почти закончился. Так собираешься ты меня куда-нибудь пригласить или нет?

Я украдкой бросил взгляд на Ченса, но помощи от него ждать не приходилось, особенно в общении с заводилой группы поддержки, собравшей самых красивых девчонок из старших классов, и школьной королевой красоты. Вдобавок поговаривали, будто Бекки подала документы в Принстон⁸, хотя сама она это упорно отрицала.

– Ты серьезно? – изумился я. – Ты и вправду хочешь куда-нибудь со мной сходить?

– Я же здесь, разве не так? И задала тебе вопрос.

Я опять беспомощно посмотрел на Ченса. Без толку.

– Гм... Не сходишь куда-нибудь со мной?

– Это было так трудно? – Она одарила меня довольной улыбкой и протянула мне узенький листок бумаги. – Я буду ждать тебя в доме Даны Уайт. Вот адрес. В субботу, в семь вечера.

– Гм...

– Тогда до встречи.

Бекки развернулась – вихрь движения и ярких красок. Я уставился на бумажку у себя в руке.

– Что это сейчас произошло?

Ченс расхохотался во все горло.

– Чувак, да тебе только что сказали, что делать!

– По-моему, ты прав.

– Сопля ты на палке!

– Угу, но это же свидание с Бекки Коллинз...

Вдруг я тоже невольно расплылся в дурацкой улыбке.

– Знаешь, к чему все это? – Ченс ткнул пальцем в листок бумаги. – Встреча в доме Даны Уайт? Бекки просто не хочет показывать тебе, где она живет.

– Да ладно тебе...

– Ты когда-нибудь видел ее родителей? Или хотя бы машину ее родителей?

– Она ездит на автобусе.

– И не без причины.

– Да у тебя уже крыша едет!

– Сто пудов, чувак. Я тебе покажу.

Мы сделали это после школы. Я не был особо настроен, но Ченс – он как бульдог, когда вдруг заполучит желаемое в зубы. Усевшись справа за штурмана, он завел меня так далеко вглубь округа, что мне показалось, будто это уже совсем другой школьный район. Когда я второй раз заартачился и притормозил, он велел мне заткнуться и просто вертеть баранку. Сказал,

---

⁸ Принстонский университет – один из старейших, известнейших и престижнейших университетов в США.

что его настойчивость вызывается лишь отсутствием у меня доверия, хотя кто бы говорил – Ченс нередко и сам отличается излишней мнительностью, подвергая сомнению все, что ему говорят.

– Вот эта улица. Сворачивай.

Он имел в виду узенькую улочку между мастерской по ремонту глушителей и заросшим бурьяном пустырем, протянувшуюся между рядами крошечных домиков и жилых трейлеров с грязными дворами. Свернув на нее, я остановил машину. У некоторых домов частично отсутствовала облицовка, а у одного из щелей между досками вылезла теплоизоляционная конопатка, лохматыми космами свисающая во двор на манер высунутого языка. Я подумал о том, насколько уверенной в себе всегда выглядела Бекки, о ее довольной улыбке, когда я пригласил ее на свидание.

– Чего остановился? – спросил у меня Ченс.

– И так далеко заехали.

– Еще три квартала. Уже почти видно.

В трех кварталах от нас все выглядело еще хуже: один дом полностью выгорел, другой был заколочен.

– Ну давай же, чувак! Ради этого мы и приехали.

– Нет, прости.

Я помотал головой, после чего в три приема развернулся и поехал в обратную сторону. Ченс вывернул шею, чтобы посмотреть назад, а потом опять опустил на сиденье, сложив руки на груди. На четырехполосной магистрали я наконец заговорил.

– Ну что, показал, что хотел? Да, улица дерьмовая. Да, она из бедных.

– Ладно, чувак, сваливай себе на здоровье! Все гораздо глубже, но не обращай внимания.

– Ты что, злишься на меня?

– Я просто хочу, чтобы ты знал, во что ввязываешься.

– Да плевать мне, что она бедная!

– А зря.

– Почему?

– Останови машину.

– Что? Зачем?

– Просто останови машину. Просмотри на меня.

Я съехал с дороги и остановился на довольно широком клочке утопанной красной земли, частично посыпанной гравием. В тени под акацией притулился шаткий столик, а вручную намалеванную вывеску над ним гласила, что по выходным здесь можно задешево купить овощи и фрукты. Я сразу представил себе россыпи кукурузы, персиков и морковки, пожилую пару на раздолбанном пикапе...

– Почему меня так должно волновать, что Бекки Коллинз из бедных?

– Потому что она уже ведет себя с тобой не совсем честно. Если она сделает это опять, ты должен понимать причины.

– Дурь ты какую-то несешь...

– Предположим, ты встретишься с ней еще раз пять, а может, и десять. Но Бекки все равно не представит тебя своим родителям! Ты уж мне поверь. Она не позволит тебе забрать ее из дома или отвезти домой. И у нее есть и еще кое-какие большие красные кнопки, и ты уж лучше знай их, чтобы не нажать ненароком... Одежда и обувь, к примеру. Если они какие-нибудь манерные, то явно одолжены у кого-то на время, так что будь поосторожней с комплиментами насчет шмоток. Дважды подумай и насчет дорогих ресторанов. То же самое с подарками на день рождения, на Рождество... Ничего слишком дорогостоящего! Она просто не сможет сделать то же самое в ответ.

– Погоди-ка... Погоди. – Я вытянул руку. – Так ты пытаешься помочь ей?

– Конечно да, тупой ты мудила! Она хорошая девушка. А ты – мой лучший друг.

Секунду я сидел в пораженном молчании, задумавшись наконец о бедности, в которой Ченс барахтался всю свою жизнь. Отца давно нет, мать работает на трех работах, лучшая из которых – сидеть за кассой в местной аптеке. Дом у Ченса ничуть не лучше любого на той улице, с которой мы только что уехали, и я знал как непреложный факт, что я его единственный друг, который бывал там.

Вообще когда-либо.

– Эй, чувак! Прости. Надо мне было доверять тебе.

– Просто не напортачь, хорошо?

Вернувшись на дорогу, я подумал про поношенную одежду Ченса, его единственную пару стоптанных кроссовок. Он вел себя так, будто одевался так по собственному выбору. Причем делал это так хорошо и так долго, что я забыл: это всего лишь спектакль. Свой обед Ченс всегда приносил из дома в коричневом бумажном пакете. В школе он не покупал даже молока.

– Не хочешь заглянуть ко мне? – спросил я.

– Чтобы твоя маманя ошивалась поблизости? Ну уж нет.

Это замечание можно было истолковать двояко. Мой отец получал обычную зарплату полицейского, но супруга ему досталась из обеспеченной семьи, и это было хорошо заметно. Шикарный дом. Классные шмотки. На Рождество мы всегда украшали дом и участок, причем делали это дорого и стильно – с иллюминацией и всем прочим. А Ченс тем временем прочесывал окрестные леса в поисках елки, которая, по крайней мере, была бы зеленой и более-менее правильной формы. Обычно как раз я и помогал ему оттащить ее домой и поставить.

– Не хочешь тогда заняться чем-нибудь еще? Может, в пинбол сразимся? На бензоколонке «Галф» на Иннес поставили новый аппарат.

– Не. Просто отвези меня домой.

Нынешнее настроение Ченса было вполне понятным – такие уж это были дни. Разговор о бедности неизбежно потащил за собой и все остальное, что было для нас столь же реальным, – в том числе выпуск из школы, будущее, Вьетнам... До выпускных экзаменов оставалось всего лишь двенадцать дней, и призыв уже ждал нас обоих с распростертыми объятиями. Словно чтобы усилить эту мысль, миль через пять мы миновали здоровенный придорожный щит с крупной надписью:

**ТЫ УЖЕ ВСТАЛ НА ДОПРИЗЫВНОЙ УЧЕТ?
ЭТО ЗАКОН!**

Им требовались наши имена, адреса, гарантированная возможность восполнить ряды... И не один мой брат делал это реальностью. У нас обоих были друзья и знакомые, которые отправились во Вьетнам и погибли там.

– Ну и какво было подписывать все эти бумажки?

Я задал этот вопрос, просто чтобы возобновить разговор, но Ченс отвел глаза.

– Я этого еще не сделал.

Я открыл было рот и тут же закрыл его. Как только человеку мужского пола исполняется восемнадцать, закон дает ему ровно тридцать дней, чтобы встать на учет. У меня все еще оставалось время в запасе, но день рождения у Ченса – на три месяца раньше моего.

– Ты серьезно? – поразился я.

– Это мудацкий закон.

– Но все-таки закон.

– Это мудацкая война.

Мне пришло в голову, что Вьетнам мы не упоминали в разговорах вот уже несколько месяцев, и только теперь я осознал, что как раз Ченс и избегал поднимать эту тему. Если б я поднял ее сам, он отделался бы смешками. Если б я продолжал давить, то уклонился бы каким-

то другим способом. Я слишком уж погряз в своих собственных заморочках, что даже и не подумал об этом как следует. Но сейчас мой лучший друг всего в двух коротких фразах открыл то, что держал в себе три долгих месяца.

«Мудацкий закон...»

«Мудацкая война...»

Я хотел было поднажать, но по одному его виду понял, что он не желает обсуждать этот вопрос. Молчание продолжалось до тех пор, пока я не остановился у его дома – облупленного куба с синим синтетическим полотнищем на крыше, прикрывающим протечку вокруг дымовой трубы.

– Хочешь, зайду? – спросил я.

– Я обещал маме вымыть кухню.

– Могу помочь, если хочешь.

– Не, сам справлюсь. – Ченс вылез и захлопнул дверцу. – Не забудь, что я тебе сказал про Бекки Коллинз! Ты, может, и не видишь, насколько при всех ее якобы понтах она жутко ранимая...

– Буду помнить.

– Тогда до завтра.

– В школе увидимся.

Я проследил, как он входит в дом, но не сразу тронулся с места. Неужели мой друг боится встать на призывной учет? Это просто не укладывалось у меня в голове. Он что, сознательный уклонист? Протесты против войны кипели на улицах и в новостях, но все это были всякие хиппи, трусы и люди из больших городов.

Что происходит, когда кто-то вроде Ченса нарушает закон?

Не объявят ли моего лучшего друга в розыск?

Как и Ченс, я не испытывал большого желания ехать домой, так что нацелил автомобиль в сторону городской черты. Я не очень хорошо запомнил, из какого именно дома забирал Джейсона в тот раз, но помнил перекресток: угол Уотер-стрит и Десятой. Когда я наконец добрался туда, то первым делом увидел во двореке возле дома двоих парней, которые лениво перебрасывались овальным футбольным мячом. Постарше меня, с длинными волосами, со свисающими с губ зажженными сигаретами, в футболках с обрезанными рукавами. Я поставил машину, прошел по растрескавшемуся тротуару и подождал, пока один из них не поднимет на меня взгляд.

– Здрасьте. Я ишу своего брата.

– Какого еще брата?

– Джейсона.

– Сзади.

Поблагодарив, я быстро пригнул голову, чтобы не получить по ней мячом. Войдя в дом, двинулся на звук звякающего металла к другой распахнутой настежь двери и маленькому крыльцу на задах дома. Джейсон и вправду был там, без рубашки и в линялых джинсах – качал бицепсы штангой с тяжеленными блинами. Завидев меня, он вздернул подбородок.

– Что стряслось, братишка? Тебе что-то надо?

– Э-э... не буду мешать. Заканчивай подход.

Джейсон продолжил тягать штангу, мерно работая жилистыми руками со вздувшимися венами – нигде ни капли жира. Но четче всего я рассмотрел синяки – один на левой стороне лица и еще штук семь-восемь на ребрах, каждый размером с кулак. Наконец он опустил штангу, сдернул с перил рубашку и влез в нее, по ходу дела обращаясь ко мне:

– Что ты тут вообще делаешь?

Я показал на его ребра.

– Я слышал про драку.

– Какую еще драку?

– Вроде как с какими-то байкерами.

– Ну, было дело... А кто тебе сказал? – Джейсон скинул крышку с пенопластового кулера, порылся внутри, вытащил банку «Будвайзера». – Ченс, не иначе? Я видел там его двоюродного брата. Тот еще хорек.

– Он сказал, что это было довольно жестко.

– Жестко, говоришь?

Он передал мне пиво. Я открыл его.

– А из-за чего?

– Драка-то? – Джейсон пожал плечами. – Из-за Тиры, наверное.

– Как так?

– Больно уж она любит мужикам глазки строить... Да и вообще слишком много о себе воображает.

Мне показалось, что где-то тут скрывалась ложь – или, по крайней мере, он чего-то недоговаривал.

– Ладно, неважно, – добавил Джейсон. – Я с ней по-любому уже расплевался. Ты виделся с Сарой?

Я вдруг почувствовал, как густо краснею от смущения. Сара оставалась для меня лишь фантазией, несбыточной мечтой школьника.

– С того раза нет.

– А зря. Она хорошая девушка, не такая, как Тира.

– Ну, не знаю... Наверное.

– Итак, почему ты здесь?

Он прислонился к перилам; было странно вдруг увидеть коповские глаза на лице бывшего зэка. Я попытался выдумать какой-нибудь подходящий ответ: что мне не хочется ехать домой, или что, может, все это и впрямь из-за Сары... Хотя где-то в глубине души понимал: притянуло меня сюда в первую очередь то, что принято именовать братскими узами.

– Просто от нечего делать, наверное.

– Надо тебе как-нибудь пробовать посидеть в тюрьме.

Осушив банку, Джейсон смял ее в кулаке, а я все попытался понять, почему с того прошлого раза все кажется совсем другим. Вид у моего брата был какой-то отстраненный, нетерпеливый. Он почесал руку, и я подумал: «Блин, он опять употребляет?»

– Так что, гм... Ты хочешь, чтобы я... Короче, сам понимаешь. – Я ткнул большим пальцем в сторону коридора, уходящего внутрь дома.

– Да, братишка. Вообще-то сегодня не самый лучший день. Может, на этих выходных...

– Можем сходить в кино. Или сыграть в баскет.

– Давай потом это обсудим, хорошо?

Джейсон слез с перил, и я опять посмотрел на синяки и ссадины у него на лице. У меня еще было что сказать, но я просто не успел. Вдруг послышался рев мотора, работающего на высоких оборотах, а потом – визг резины, когда что-то быстрое и словно не знающее тормозов взяло поворот в пяти домах от нас. Мотор взревел еще громче, и металл скрежетнул о металл. И тут же голоса из переднего двора: «Охренеть, чувак! Только посмотри на это! Только глянь!» Удар, который последовал за этим, прозвучал громче и ближе и показался просто оглушительным на фоне тишины, которой за ним последовала. Через несколько секунд из коридора до нас донесся голос:

– Джейсон, йо! Давай-ка лучше сюда!

Я поспешил вслед за братом через дом. Через секунду тот же самый голос выкрикнул:

– Йо, это твоя телка!

Джейсон шагнул с крыльца на голую землю, но остановился, не доходя до покореженного автомобиля. Это был двухместный «Мерседес», который застыл в тесном дворике, развернув-

шись боком и уткнувшись передком в дерево. Борта машины были основательно исцарапаны и помяты. Из распахнутой передней дверцы наполовину вывалилась Тира, опершись обеими руками о землю. Поцелкивал остывающий мотор, и, словно какой-то сигнал тревоги, размеренно мигала оранжевым уцелевшая голая лампочка в разбитом красном поворотнике.

– Тира, господи! Ты цела?

Джейсон двинулся к машине и помог ей выбраться. На ней были белая юбка и синезеленая майка. Колени ободраны, из-под волос стекала струйка крови. Она пошатнулась, и Джейсон подхватил ее, упершись ей подбородком в макушку. Тира едва могла стоять на ногах. Привалилась к нему, медленно и надолго приникла губами к его шее, а потом вдруг рявкнула:

– А ну-ка убери от меня свои эковские лапы!

Отпихнув Джейсона, выдернула руку и опять пошатнулась. Макияж у нее под глазами размазался. Язык заплетался.

– Нечего меня лапать! Нечего, пока я не получу то, за чем приехала!

– Тира. Приди в себя. Успокойся.

– Ты не должен был так со мной поступать! Так вот посылать меня подальше! Только не ты...

– Тира...

– Только не какой-то там грошовый сукин сын, нищеброд, уголовник!

– Да ладно тебе... Присядь.

– Не трогай меня, я сказала!

Она замахнулась на него, и Джейсон ловко отскочил назад, словно какой-нибудь боксер из «Вселенной спорта»⁹. На улице и во дворах вокруг нас уже собирались люди. Недавно стоявший на углу дорожный знак теперь валялся на земле, а машины, припаркованные вдоль тротуара, были основательно покорежены. Я бочком придвинулся сзади к брату.

– Может, чем помочь?

– Она просто обдолбана.

Я так и не понял, означало ли это траву или что-нибудь покрепче. Тира с остекленевшим безжизненным взглядом безвольно вихлялась из стороны в сторону, размазывая кровь по лицу, юбка у нее задралась с левой стороны чуть ли не до пояса. Заметив зевак, она злобно гавкнула на них:

– Ну, какого хера вылупились?

Джейсон попытался еще раз:

– Тира?

– Вы вообще знаете, что это за тип? Что он делает? – Тира опять шагнула к нему на подгибающихся ногах, размахивая пальцем. – Он убивает мечты! Он трахает женщин и убивает мечты!

– Хорошо, Тира. Хватит уже.

– И что ты сам-то по этому поводу думаешь?

Она опять помахала пальцем у него перед носом, и кто-то у меня за спиной ошеломленно выдавил:

– Это полный пипец, чувак...

Тира полуобернулась, но в итоге ее заботил один лишь Джейсон.

– Почему ты это сделал? В смысле... – Она мягко накрыла сложенной ковшиком ладонью его плечо, всей враждебности как не бывало. – В смысле, с нами... Ну давай же, скажи! – Тира провела ему пальцами по груди. Джейсон попятился, но она последовала за ним, уставившись

---

⁹ «Вселенная спорта» (англ. *Wide World of Sports*) – программа американского телеканала ABC, выходившая с 1961 по 1998 г.

на его губы, на его подбородок. – Ты ведь не всерьез, правда? Не на самом же деле... Просто скажи мне это. Просто скажи мне, что сейчас трахнешь меня, как когда-то!

Тира попыталась поцеловать его, но он не ответил на поцелуй. Она прижалась к нему бедрами, руки у нее заходили ходуном.

– В чем дело, малыш? Ведь никто же так больше не подходит друг к другу, как мы с тобой! – Тира запустила пальцы ему в волосы, но Джейсон схватил ее за запястья, отвернувшись от растерянности и обиды в ее глазах. – Больше не говори такого, малыш! Пожалуйста, не говори!

– Между нами все кончено. Я уже тебе сказал.

– Нет!

– Говорю в последний раз. – Он отпустил ее, по-прежнему держа руки на весу. – Все кончено. Мы расстались.

– Почему? Потому что это ты так сказал?

– Да.

– Ты?! – Бешенство в ее голосе. – Это ты-то, хрен моржовый? – Тира двинулась вперед – одни лишь глаза да гневные углы. Даже зеваки отпрянули. – Тогда дай мне то, за чем я приехала!

– Не пойму, о чем ты говоришь.

– Извинения, самодовольный ты гондон!

– Хорошо, прошу прощения.

– Нет уж, не так! Произнеси это по буквам, чтобы все тут знали! Расскажи им, что произошло! Расскажи всем, кто ты на самом деле!

На миг мне показалось, что Джейсон продолжит все в той же мягкой манере, будет и дальше пробовать как-то ее уговорить. Скажет что-нибудь, думал я, или еще чего. Но мой братец был не такого рода человеком. Я увидел, как в глазах у него блеснула холодная решимость, столь же внезапно и неотвратимо, как солнце на стекле, и Тира, похоже, тоже это заметила. Издав какой-то бессловесный звук, полный чистого гнева, она бросилась на него, скрючив пальцы. Он опять ловко танцующе отпрянул, но, Тира, спотыкаясь, последовала за ним и размахнулась, целясь ему в лицо. Однако Джейсон был не из тех, кто спасается бегством. Он перехватил ее запястье, крутанул на месте и оттолкнул подальше. Запнувшись за корень, Тира растянулась на земле.

– Мерзавец! – тихо, со слезами на лице произнесла она. – Утырок...

Джейсон повернулась к мужчинам в доме.

– Кто-нибудь вызовите ей такси, хорошо?

– Не надо мне от тебя одолжений! – Тира кое-как поднялась на ноги и потерла глаза, размазывая тушь. – Ты ведь у нас не делаешь одолжений, верно?

– Я хочу, чтобы ты дождалась такси, – спокойно сказал Джейсон.

– Да пошел ты!

Она пробрела через двор и плюхнулась в разбитый «Мерседес».

– Тира, не дури, – начал было я, но она уже повернула ключ зажигания. – Джейсон, сделай что-нибудь!

Тира завела машину, но он смотрел на нее все тем же безжалостным взглядом. Она показала ему средний палец, когда колеса выплюнули траву и грязь, и тут же врезалась в еще одну чужую машину.

– Джейсон, ну давай же...

– Хорошо. Ладно.

Он пересек двор, пока Тира под скрежет шестеренок дергала туда-сюда ручку переключения скоростей.

– Гибби прав, Тира. Отдай-ка мне ключи.

Джейсон был уже футах в десяти от нее, когда она наклонилась за чем-то к полу и вновь появилась с пистолетом в руке.

– Не подходи ко мне! – Пистолет был маленький, серебристый. – Я ведь выстрелю, я сделаю это!

Тира нацелила ствол ему в грудь, но опять скривила губы и залилась слезами, которые прорезали белые дорожки на чумазом от размазанного макияжа личике. Люди, пригнувшись, уже разбегались в поисках укрытия. Один только Джейсон сохранял спокойствие.

– Тебе сейчас нельзя ни за руль, ни баловаться со стволом.

– Ты не любишь меня! У тебя нет права голоса!

– Я пытаюсь помочь тебе, Тира.

– Не подходи! – Она опять топала по педали сцепления, дергала ручкой. Автомобиль дернулся, заскрежетал металл. Тира включила не ту передачу – прокатилась немного вперед и остановилась. Еще через секунду Джейсон вновь оказался на мушке маленького блестящего пистолетика.

– Все могло быть проще, – процедила она. – Ты мог сказать «да».

– Наверное.

– Не преследуй меня!

– Даже не мечтаю.

Это был неправильный ответ, подумал я, – масло в огонь, который и без того пылал до небес. Выражение лица Тире было ужасным, словно ей с трудом удавалось сдерживать накалившиеся до предела эмоции. Ярость. Желание. Нужду. Напряжение все нарастало, пока она не швырнула пистолет на сиденье рядом с собой и не сбросила маленькую машинку с бордюра. Обернулась Тира лишь раз – еще один полный муки взгляд, – после чего опять показала моему брату средний палец и втопила педаль в пол.

7

Я не стал никому рассказывать о том, что произошло между Джейсоном и Тирой, но думал об этом всю ночь и даже утром, когда проснулся. Я никогда еще не видел таких обнаженных эмоций в женщине – или мужчин, способных столь хладнокровно им противостоять. Непредсказуемость Тиры даже не обсуждалась, и все же всего за две коротенькие наши с ней встречи она обнажила все, что способна обнажить женщина – и тело, и душу, – и меня угнетало то, насколько маленьким и ничтожным я сам себя после всего этого чувствовал, и как моя собственная жизнь казалась мне абсолютно лишенной всяких событий и состоящей из одних лишь бессмысленных ожиданий и затаенной тоски.

Интересно, думал я, что сказал бы по этому поводу Роберт.

И чем сейчас занят Джейсон.

После школы я поехал к дому на углу Уотер и Десятой, но никто там не видел Джейсона после той истории с Тирой. Парни в доме не знали, куда он подался и когда вернется.

– А что Тира? – спросил я.

– Эта долбанутая сука?

Никто ее тоже не видел, так что я оставил их сидеть на диване и стал вспоминать дорогу в кондоминиум на противоположной стороне города, в котором обитали Сара и Тира. Я даже не знал, хочу увидеть Сару или нет, но надеялся на какого-то рода озарение. Хотя, когда я остановил машину на нужной улице, ничего не вышло. Дверь была закрыта, окна темны. Я попытался представить себе прилив того рода страсти, которую видел в Тире, и те качества, которые требуются от мужчины, чтобы пробудить такое желание и ярость. С этим у меня тоже ничего не вышло – я не сумел этого даже представить. Я все пережевывал эту мысль, приуныв, но тут вспомнил про Бекки Коллинз и как она чуть ли не силой сунула мне в руку клочок бумаги с адресом.

В субботу.

В семь вечера.

По пути домой я опустил верх у машины, включил радио. За ужином подавал голос только когда ко мне обращались, помнил о хороших манерах и съел все, что положили мне на тарелку. Тишина более не казалась гнетущей, но я думал о Бекки и субботнем вечере. Я сомневался, что она поцелует меня при первом же свидании, хотя ну и ладно. Мы просто поговорим и получше узнаем друг друга.

Я думал, что у меня есть время.

Но я ошибался.

Беда пришла исподволь, и все началось с моего отца. Он остановил меня после ужина и завел к себе в кабинет – узкую комнатку, беспорядочно уставленную папками, коробками и книгами. Одну стенку сплошь покрывали семейные фото, другую – награды и похвальные грамоты.

– Я не хочу, чтобы твоя мать это слышала.

С несколько неуверенным видом он закрыл дверь. Мне уже приходилось видеть отца в гневе, озадаченным и разочарованным, но подобная скрытность была мне незнакома. Он хрустел пальцами и едва мог встретиться со мной взглядом.

– Ты виделся со своим братом? – спросил он наконец.

– Уже пару дней как нет.

– Не звонил по телефону? Ничего такого?

– Что вообще происходит?

Отец подошел к окну и всмотрелся в темную ночь, разбавленную далеким светом фонарей на дороге. Постоял там немного, а потом повернулся ко мне, словно наконец пришел к какому-то решению.

– Присядь, сынок. – Мы уселись на расположенные рядом друг с другом стулья. Он подался ближе. – По-моему, у Джейсона могут быть крупные неприятности. Пока это всего лишь слухи, но это *коповские* слухи. Улавливаешь разницу?

– Нет.

– Ладно. Пускай будет так. Как бы это сказать-то? Короче, имя твое брата выплыло, гм... в ходе кое-каких недавних расследований.

– Наркотики?

– А почему ты об этом спрашиваешь?

– Исходя из его прошлого, наверное.

– Он опять употребляет?

– Не знаю.

– А ты сказал бы мне, если б это было так? – Отец изучал мое лицо, словно высматривая какую-то потайную дверь. – И как насчет его местонахождения? Если б ты знал, где он, то сказал бы мне?

– Я хочу знать, что происходит.

– Я не имею права это обсуждать.

– Эй, это ты меня сюда привел!

– Просто чтобы спросить, не видел ли ты его. Предостеречь тебя. Не исключено, что Джейсон – уже отрезанный ломоть, безнадежный случай. А вот ты – нет.

– Джейсон – не безнадежный случай!

– Пойми, я не прошу тебя стучать на него и перестать видеться с ним. Если он в беде, я могу помочь ему. Если он выйдет на связь, скажи ему это.

– Ты мог бы сказать ему это сам, если б не изгнал его из нашей жизни.

– Не все так просто, сынок. Мы это уже обсуждали.

– С ним все будет в порядке? С копами, в смысле.

– Только если я смогу ему помочь, – ответил отец. – Если я смогу вовремя его найти.

Он тронул меня за плечо и кивнул, произнося эти слова. Никто из нас не знал, что приближается натуральный конец света.

8

Та же самая тьма, что давила на дом Гибби, сгущала небо и над фермой Лейнсвортской тюрьмы штата, в сорока пяти милях к востоку. Если что, ночное небо было здесь даже еще черней, не тронутое ни уличными фонарями, ни дорожным движением, ни любого сорта цивилизацией. Возведенные в 1871 году, стены Лейнсворта были трех футов толщиной, окна – не более чем узкие бойницы в камне. Расположенная в самом конце четырехмильной частной дороги, территория тюрьмы заполняла собой пустой уголок сельского округа; и, хотя как ферма она не действовала уже больше сорока лет, признаки ее изначального назначения по-прежнему прослеживались в линиях дренажных канав, обширных пространствах необработанных полей и раскиданных там и сям островках молодого леса. Прежде чем природа получила обратно так много взятого у нее, люди здесь страдали от холода, умирали на жаре. Скормленные одной цепью каторжники, работающие на полях, остались в далеком прошлом, но территория тюрьмы по-прежнему занимала восемнадцать тысяч акров заливной низины и кустарника. Построенная в расчете на тысячу заключенных, сейчас она вмещала как минимум вдвое больше. Мало у кого в документах не стояла пометка «особо опасен», и большинство из ее вынужденных обитателей было наихудшим отребьем, которое был только способен предложить штат. Убийцы. Наркаторговцы. Серийные насильники.

В самом низу, в глухом подвале под камерами смертников располагался еще один ряд камер, которые оставались теплыми, даже когда в остальных зуб на зуб не попадал от холода, и прохладными, когда в остальных стояла невыносимая жара. В одной из таких камер рядом с койкой стоял убийца, но это была не его камера и не его койка. Настоящий обитатель камеры ему очень не нравился, но в Лейнсворте вообще не было таких понятий, как нравится или не нравится.

В углу этой самой камеры стоял человек, известный как «Заключенный Икс» – или просто Икс. Это не было его настоящее имя, но так его все называли. Некоторые думали, что это сокращение от «Аксель», его имени по паспорту, или потому что «икс» – это на самом деле римская цифра «десять»: мол, именно столько человек он убил, после чего съел части их тел. Другие говорили, что он убил свою жену за неверность – но лишь после того, как кастрировал ее любовника и вырезал у него на глазах косые кресты. Икс сидел тут уже так долго, что людей это уже больше не волновало. Он был неотъемлемой частью этой тюрьмы – такой же, как сталь, бетон или камень.

– Повыше, пожалуйста. Левую руку. – Икс показал на себе, и мужчина возле кровати подчинился. Он стоял без рубашки, в одних лишь тюремных джинсах, воздев вверх обе руки со сжатыми кулаками. – Великолепно! То, что надо.

Стоявший возле кровати был всего на два дюйма выше Икса, но заметно шире в плечах, коренастей и фунтов на сорок тяжелей. Выросший в нужде в горах Джорджии, он еще юнцом сбежал из дома, вскоре после чего вырос в вора, убийцу и наемного кулачного бойца на улицах Атланты. Сидел он здесь меньше пяти недель, но каждый охранник рассказывал одну и ту же историю – что парень мог получить серьезную взбучку, выплюнуть кровь и вернуться за добавкой; что это серьезный, упертый, без дураков настоящий боец.

– Не двигайся, – бросил Икс. – Ты только что пошевелился.

Он не относил себя к великим художникам, но все-таки был весьма неплох в этом ремесле.

Икс нанес еще несколько мазков, а потом произнес:

– Да, для тебя это странно. Я понимаю.

– Каждый сходит с ума по-своему, вот что я вам на это скажу.

Парень строил из себя крутого, но в глазах его явственно читалось сомнение. Он уже слышал кое-какие истории. Хотя пока что здесь, в подвале под камерами смертников, и на самом деле писали его портрет. Иксу доставляли удовольствие сомнения парня, но он не выдавал этого. Это было бы признаком слабости, а Икс презирал слабость в любой ее форме. После последнего мазка он развернул картину так, чтобы парню было хорошо видно: гипертрофированное воплощение насилия и его последствий – сломленная поза, синяки, кровь...

– Понимаешь, что за этим последует?

– Ну да, мне сказали.

– Отлично.

Отложив картину, Икс снял рубашку, открыв узкий торс, оплетенный мускулами. Даже в его сорок девять здесь не было ничего мягкого, ни в одном-единственном месте.

– Я вас не боюсь, – сказал молодой человек. – Я думаю, что все эти истории – всего лишь истории.

Икс улыбнулся, и эта улыбка отнюдь не была доброй. Попятившись через открытую дверь, он переместился из камеры в узкий коридор, который пролегал вдоль полудюжины других камер, все из которых пустовали. Потолок в коридоре был двадцати футов высотой, защитные сетки ламп поржавели там, где бетон и камень запятнали застарелые желтоватые разводы от протечек. Возле металлической двери сидел надзиратель, но у него хватало ума лишь наблюдать за происходящим.

Нерешительно выйдя вслед за Иксом из камеры, молодой человек спросил:

– А почему именно я?

– Ты ведь вроде уже четверых убил – или пятерых?

– Шестерых. Голыми руками.

– Этой причины недостаточно?

– Я не дерусь чисто для развлечения.

– А ради чего тогда?

– Ради наличных. Или если кого-то просто надо убить.

– А сегодня?

– Они сказали, что начальник тюрьмы у вас в кармане. И что вы владеете и охранниками тоже.

– Ты боишься карательных мер?

– Ну, вообще-то да. Задать трепку какому-нибудь первому попавшемуся зэку – это одно...

Его мысль осталась недосказанной, поскольку Икс вытащил из кармана пачку наличных и бросил ее на пол.

– Тысяча долларов за бой. По сотне за каждую минуту из следующих десяти минут твоей жизни.

Молодой человек уставился на деньги, как собака на кусок мяса.

– Я возьму ваши деньги, папаша, только вот десяти минут вы по-любому не продержитесь.

Перешагнув через пачку, он стал надвигаться на Икса, выпятив подбородок и подняв здоровенные кулачищи. Он думал, что этот бой – не более чем шутка или розыгрыш, что Икс давно уже истощил свои хваленые силы и выжил из ума: жалкий старик, который его даже просто не достанет – руки короткие. В другой жизни он мог бы оказаться и прав, но в движении Икс представлял собой редкостный сплав мощи и скорости, с которым мало кто в мире мог сравниться. Первым делом он обработал противнику правый глаз – четыре мощных прямых удара левой, а потом пустил кровь изо рта и носа и надтреснул ребро с левой стороны.

И все это только за первые девять секунд.

Икс ненадолго ускользнул за пределы досягаемости, а потом начал опять обрабатывать лицо зэка: вначале двумя ударами левой, потом правой, потом махом ноги с разворота подсек коленные сухожилия здоровяка. Второй раз ловко уклонился, даже не запыхавшись. Тут увидел страх, понимание.

«А что, если все это правда?»

«Все эти истории?»

Икс улыбнулся, когда этот страх раскрылся, будто цветок. Увидев это, здоровяк бесильно взъярился.

– Ты заплатил мне за бой – так, блин, бейся!

На сей раз он перешел в атаку гораздо яростней, и наконец и сам пустил Иксу кровь. Вот почему тот изначально выбрал как раз этого человека.

Из-за всех этих убийств.

Из-за этой *готовности* убивать.

Икс растянул бой на десять полных минут, но тот и секунды не был равным. Икс получил кое-какие повреждения; здоровяк был полностью разбит. У самой десятиминутной отметки он переломился пополам и полуслеп, слишком истекающий кровью и сломленный, даже чтобы просто поднять руки. Раз бросил умоляющий взгляд на охранника, и Икс впервые почувствовал к нему самое настоящее презрение.

– Он не сможет тебе ничем помочь.

– Ну так делай это, раз уж собрался!

Лицо парня было уже кровавой маской, один глаз сплюснен навсегда, правое плечо выбито из сустава. Хотя ярость еще оставалась: он мог продержаться и чуть дольше. Но какой смысл?

– Охрана! Мы закончили.

Надзиратель все это время смотрел в пол, но по долгому опыту знал, что делать. Подхватил здоровяка и вытащил за дверь, ни разу не подняв взгляд на Икса.

Когда они скрылись за дверью, Икс зашел в соседнюю камеру, смыл кровь с рук и лица, а потом заклеил пластырем рассеченные места.

Опять ощутив скуку, он прошелся по камерам, которые представляли собой для него вроде многокомнатного номера люкс в дорогом отеле: вот эта для вина, а эта для собственноручно написанных картин... Все знали, что он баснословно богат, естественно. Много лет назад он постоянно фигурировал в новостях: частные реактивные самолеты и особняки, манекенщицы, девушки по вызову, подружки из высшего света... Разумеется, тематика всех этих историй резко переменилась после его ареста: публику больше интересовали происхождение и размеры его несметного состояния, родственники и длинный перечень друзей-знаменитостей и политических связей. Один зэк как-то спросил, сколько денег на самом деле было у Икса, намереваясь использовать эту информацию в качестве рычага для своих собственных целей, тоже имеющих непосредственное отношение к насилию. Он решил, что все просто: богатый человек, новичок в тюрьме... Но Икс оказался совсем не таким, как остальные богатеи, так что ответил этому зэку долгой улыбкой и молчаливым обратным отсчетом, на счете «три» вырвав пищевод у него из горла и спустив его в тюремный унитаз. С тех пор мало кто решался задавать подобные вопросы.

«Ну да, есть что вспомнить...»

У него были приватность и все необходимые удобства. За эту привилегию он из года в год платил начальнику тюрьмы совершенно несусветную сумму, что подкреплялось и торжественной, под крестом, клятвой, что жену начальника больше никогда не изнасилуют «хором».

Только не воскресным утром.

Только не на глазах у детей.

* * *

Лишь уже ближе к ночи хоть что-то наконец прервало монотонное течение жизни Икса.

– Простите, гм... Сэр?

Надзиратель был крупный мужчина, но вид имел виноватый.

– Что такое?

– Один заключенный спрашивает разрешения встретиться с вами. Некий Фрэнсис Уилламетт. Мы не хотели вас беспокоить, но он уже несколько дней просит, и очень настойчиво. Так что мы... гм... проголосовали. Охранники, в смысле.

Прикурив сигарету, Икс откинулся в кресле. В постоянный наряд к нему были назначены шестеро одних и тех же надзирателей, но были у него куплены и прочие сотрудники тюрьмы.

– И что же желает мистер Уилламетт?

– Он говорит, что это насчет Джейсона Френча. Вот как раз поэтому мы, гм... и проголосовали «за».

– Тогда, полагаю, вам следует привести мистера Уилламетта сюда.

Попятившись из камеры, надзиратель поспешил прочь. Вскоре на лестнице вновь прозвучали шаги, и все тот же охранник объявил:

– Третья камера. Можешь заходить.

– Точно? А он не?.. Ну, вы понимаете.

– Он ждет тебя. Ничего там с собой не случится.

Когда Уилламетт появился в камере, лицо его по-прежнему было полно опасливых сомнений. Икс уже раз встречался с этим типом. Тот уверял, будто считается хорошим шахматистом, но ухитрился опозориться буквально за три первых же хода. Старик здорово потерял в весе за годы, прошедшие с тех пор, как они сыграли ту единственную партию, дряблая кожа у него на лице обвисла и собралась глубокими складками. Одна его рука цеплялась за дверь камеры, и он так тяжело привалился к дверному косяку, словно иначе просто сполз бы на пол. Икс внимательно изучил провалившиеся глаза, коричневые зубы.

– Ты уверяешь, будто видел Джейсона Френча?

– Да, три дня назад, сэр. На дороге, гм... я ехал в тюремном автобусе.

– С какой это стати мне тебе верить?

– Потому что я могу описать его до мельчайших подробностей – и автомобиль, в котором он был, и как он застыл в тот момент, когда понял, что автобус из Лейнсворта. В любых подробностях, какие только спросите.

– Предположим, все это правда, но мне-то какое дело?

Старик был достаточно хитер, чтобы скрыть свое удовлетворение, но глаза его все равно алчно сверкнули.

– Мы оба знаем, какое.

Икс несколько долгих секунд не сводил с него глаз, весь угрожающе неподвижный. Ему никогда не было дела до историй, которые циркулировали среди прочих обитателей тюрьмы – ни кого он убил, ни зачем он это делал, ни что на самом деле происходило в подвале под камерами смертников. Правдивые или выдуманные, подобные истории были совершенно несущественны. Икс оставался выше их. Однако иметь наглость самодовольно высказывать собственное мнение касательно *хоть каких-то* нужд или предпочтений Икса...

Старик понял перемену в его глазах.

– Эй, только поймите меня правильно! Я и не думаю вас осуждать, упаси бог. – Он растопырил пальцы, показывая морщинистые ладони. – У всех нас свои собственные причуды. У вас. У меня. Просто я слишком уж старый, чтобы играть в подобные игры. Пятьдесят два года в крытке. Я уверен, что вы понимаете логику.

Икс изучил лицо старика. Губы. Слезящиеся глаза.

– Итак, ты можешь рассказать мне про Джейсона Френча... И что же ты хочешь взамен?

Набрав полную грудь воздуха, старик назвал свою цену. Деньги. Порнуха. Два дня наедине с девчоночьего вида эком, которого он однажды приметил в тюремном дворе.

Икс презрительно покачал головой.

– За описание какой-то случайной встречи? За несколько цветистых слов?

– Я могу сказать, где его можно найти.

Икс прищурился, ощутив тугую пульсацию в груди.

– Продолжай.

– Я знаю машину, номерной знак. Дальше все будет просто. Кто угодно на воле сможет выследить его.

Икс попытался скрыть эмоции, но старого зэка было трудно обмануть. На лице у него прорезалась довольная улыбочка.

– И вот еще что, – произнес он, после чего по-хозяйски откинулся на спинку стула. – Там в машине была одна девчонка, брюнетка...

* * *

Когда Уилламетт закончил и ушел, Икс стал расхаживать по пустому коридору, мысленно прикидывая все за и против «заключенной» сделки. И на брюнетку в машине, и на женоподобного зэка в блоке «С» ему было совершенно плевать – пусть Уилламетт развлекается, как хочет. Но некоторое время назад Икс дал Джейсону определенные заверения – на самом-то деле обещания, – и хотя большинство людей мало что значили для Икса, Джейсон не относился к этой категории «большинства». Как раз по этой причине сейчас в голове у Икса и шла затяжная война на измор, ни один из противников в которой так и не решался перейти в решительное наступление.

Целый час он расхаживал из угла в угол.

Еще час пролежал, уставившись в потолок.

Хотя под конец Икс уже точно знал то, что именно понял еще в тот самый момент, когда Уилламетт сделал свое предложение: обсуждать тут нечего.

– Охрана! – Он повысил голос, внезапно ощутив нетерпение. – Мне нужен Рис, причем нужен здесь немедленно!

* * *

Рис жил на другом конце Шарлотта, и его прибытие потребовало времени. Когда это наконец произошло, все тот же надзиратель сопроводил его по коридору.

– Ваш апелляционный адвокат прибыл!

У Икса не было никакого апелляционного адвоката – ему никогда уже не светило выйти из тюрьмы живым, – но он все равно любил тешить себя небольшими иллюзиями.

– Подожди наверху.

Охранник развернулся и вышел. Вошедший вслед за ним выглядел точно так же, как и всегда: узкоплечий и худой, с клочковатой бороденкой на лице, которое с равным успехом могло принадлежать как сорокапятилетнему, так и шестидесятипятилетнему мужчине. Уголки рта его прорезали глубокие морщины, а кожа имела меловой оттенок, который у Икса ассоциировался с его собственной прабабушкой, какой он запомнил ее ребенком. Но на этом впечатление почтенного возраста и немощности заканчивалось. Рис был порочен, злобен и быстр, как любой хищник, какого Икс мог только себе представить. На протяжении больше чем семнадцати лет тот получал от Икса достаточно денег, чтобы покупать шикарные особняки и обес-

печить себя на несколько жизней вперед. Между обоими не было никакой привязанности, но Икс знал, на что способен Рис и чем ему *нравилось* заниматься. Из всех «решальщиков», которые имелись у него на воле, Рису он доверял больше всего. Но все равно не сумел сдержать раздражения.

– Не похоже это на тебя – так опаздывать!

– Меня не было дома, когда отсюда позвонили. Выехал, как только мне передали сообщение.

– Сколько сейчас времени?

– Три часа ночи. Простите. Мне и вправду надо было поспешить.

– Хорошо. А то мне уже не терпелось. – Икс принял принесенные извинения кивком головы. – Есть какие-то проблемы на воле, о которых я должен знать?

– Все гладко, как стекло. – Рис провел рукой по воображаемому оконному стеклу. Он имел в виду откупные, угрозы, одного условно-досрочно освобожденного, машину которого недавно сожгли в качестве напоминания того, что рот надо держать на замке. – Что сейчас от меня требуется?

Икс пересказал Рису то, что узнал от Уилламетта: про тюремный автобус, людей в машине.

– Вы уверены, что это и вправду был Джейсон Френч?

– Уилламетт излагал довольно убедительно.

– Хотите, чтобы я разыскал его?

– Разыскать Джейсона – это лишь начало.

Икс стал объяснять, чего еще ему хочется. Привел несколько важных подробностей, и несколько секунд Рис проигрывал услышанное в голове.

– Почему Уилламетта так волнует эта девчонка?

– А почему она волнует не только его?

– Она брюнетка?

– Молодая. Привлекательная.

– Я рад, что вы меня для этого вызвали!

– Первым делом пришел на ум как раз ты, и никто другой.

Это и в самом деле было так. Риса отличали определенного свойства желания, которые делали его совершенно предсказуемым. Регулярное подкармливание этих желаний позволяло держать его на коротком поводке понадежней любых денег.

– Насколько срочно? – спросил Рис.

– Как можно скорее.

Рис вытащил ручку и блокнот, уже весь деловой и сосредоточенный.

– Можете еще раз назвать госномер?

Икс повторил ему номер машины.

– «Мустанг» шестьдесят шестого года, темно-бордовый, шины с белыми боковинами, два крыла немного ржавые.

Рис тщательно записал буквы и цифры номера.

– Дайте мне полное описание той девицы.

Икс описал брюнетку со слов Уилламетта. Черты лица. Оттенок кожи. Рост и телосложение.

– Он дает ей лет двадцать семь.

– А что насчет блондинки?

– Пока что только брюнетка.

Рис бросил взгляд на часы и нахмурился.

– Через два-три часа взойдет солнце. Дайте мне пару дней.

– Сегодня, – произнес Икс. – Сегодня будет лучше всего.

* * *

Автомобиль Рис разыскал достаточно легко – с имеющимися в его распоряжении возможностями Икса это был вообще не вопрос, – но принадлежал он не девушке. Парень, который владел им, тоже оказался достаточно симпатичным, но и в этом не было ничего удивительного. Он был очень похож на Джейсона Френча. Разъезжая вслед за ним от одного места к другому, Рис чувствовал тошнотворное жжение в желудке – те же волосы и загар, твердая рука, локтем выставленная в окно... Рис не испытывал абсолютно никаких иллюзий относительно своей ненависти к людям вроде Джейсона и его младшего братца. Мир сам склоняется перед подобными людьми, а Рису всегда приходилось силой брать то, чего ему хотелось. Каких обидных слов он только не наслушался, учась в старших классах!

«Эй, коротышка...»

«Эй, хер-карандашик...»

Сравнение члена с карандашом воспринималось особо тяжело.

Спортзал, общая душевая...

Одна девчонка особенно беспощадно подкалывала и третировала Риса. Джессика Брюс. Она и стала его первой.

Воспоминание оказалось настолько волнующим, чтобы взбаламутить целый сонм других.

Джессика...

Эллисон...

Та азиаточка из «Макдоналдса»...

Какая-то кассирша, которая лишь закатила глаза, когда Рис спросил у нее телефончик...

Это немного помогало убить время, но мальчишка ничуть не упрощал Рису задачу. Он поехал в школу, зависал там с какими-то другими парнями. Купил шоколадный батончик, играл в пинбол – короче, занимался всякими нормальными для такого пацана вещами, никак не включающими в себя брюнетку с бледными грудями, ростом пять футов три дюйма и примерно двадцати семи лет от роду. На миг интерес пробудился вновь, когда незадолго до заката парнишка поехал в город и остановил машину на аккуратной чистой улочке, на которой выселись дорогие кондоминиумы. Рис посмотрел, как тот нерешительно подходит к двери и тут же отходит обратно, так и не позвонив в звонок. Этот момент показался существенным, но Рис не был убежден, пока не сопроводил парнишку домой, а потом не вернулся обратно, уже один. Ничего в этом квартале не наводило на мысли о том, что к нему может иметь какое-то отношение подобный недоросль на помятом «Мустанге». Слишком уж дорого. Слишком уж стильно. Занавески внутри были задернуты, но Рис выждал, пока люди не начнут возвращаться домой с работы и не зажгутся уличные фонари. Целых три часа внимательно наблюдал за машинами, пешеходами, кондоминиумом.

Покуривал сигаретку.

Он привык ждать.

Наконец около полуночи подкатил какой-то раздолбанный микроавтобус, и с обратной стороны его вылез высоченный широкоплечий хиппи, который встряхнул своими длинными патлами, подходя к пассажирской дверце. Рису сразу захотелось что-нибудь сделать ему просто из принципа, но важней была девушка, которая практически вывалилась на тротуар, когда хиппи открыл дверь. Безудержно хохоча, она едва держалась на ногах. Хиппи подхватил ее, прислонил к микроавтобусу и поцеловал, одной рукой тиская ее за грудь, а другую запуская под юбку. Девица оттолкнула его, но не всерьез. Он опять поцеловал ее, опять потискал, а потом практически отнес к крыльцу, где они долго возились с ключами и друг с другом, но все-таки ухитрились открыть дверь и зайти внутрь. Рис нахмурился, хотя и радостно.

Девушка была пяти футов трех дюймов роста, брюнетка и выглядела в точности на двадцать семь лет.

И еще она была красивая.

Это бонус.

9

Ти́ра, которая, как обычно, заспалась допоздна, проснулась от шума дождя и обеими руками обхватила себя за череп. Занавески просвечивали серым прямоугольником в полутьме, и она представила себе холодный, мокрый дождь, шлепающий по лицу. Это не помогло. Свернувшись калачиком, Ти́ра кое-как попыталась сшить кусочки своей ночи воедино. Она поссорилась с Сарой – ничего нового, – а потом вихрем вырвалась на улицу, кипя от злобы и обиды. Такое случалось и раньше. А дальше что? «Счастливей час» в «Тики-лонж»? Вроде да. Потом пицца в «Шейки», в том же квартале, и дамский вечер в каком-то клубе в центре. Ей припомнились пустой танцпол, реально крутой бармен и какой-то старикашка, подбивающий к ней клинья с соседнего табурета. В памяти остались разъезды на такси, другие клубы и бары. Наконец она вспомнила того чувака.

«Ой, блин, чувак...»

Это так она сразу и прозвала его. У него, конечно, имелось имя, но какое-то рабоче-крестьянское, вроде Алекс, Уинстон или Брэд. Он представился, предложил ей выпить, и она отозвалась: «Спасибо, чувак!» Он был высокий – это она помнила, – длинный парень с волосами, как у Иисуса, в шелковой рубашке и с чем-то вроде коврика из медвежьей шкуры на груди. После четырех рюмочек текилы Ти́ра пробежалась пальцами по этому коврику и произнесла: «Чувак...» Потом были танцы и поцелуи, смазавшиеся уличные фонари за стеклами микроавтобуса с плюшевым ковром на передней панели. Это был *чуваковский* фургон. Она хорошо помнила, как сказала это. «Чувак, у тебя чуваковский фургон!» Ти́ра повторяла это самое слово, и когда он на всю катушку врубил Джимми Хендрикса, и когда раскурил косяк, и когда едва не слетел с дороги, пытаясь в самый последний момент свернуть к «Молочной королеве». Похоже, что только одним этим словом весь ее словарный запас в тот вечер и ограничивался. Она произносила его и со смехом, и ласково, и дважды выдохнула его, когда он свернул к центру, а ее пальцы запутались у него в волосах. «Чувак, чувак...»

Но чувака уже не было, и Ти́ру это особо не печалило. Выбравшись из постели, она раздернула занавески и выглянула на улицу, на серый дождь и серое небо. Ей уже хотелось выпить.

Нет, решила она. Только не сегодня.

Натянув на себя одежду, беспорядочно разбросанную по полу, Ти́ра на цыпочках прокралась из комнаты в коридор. Ее любимая закусовая находилась всего в двух кварталах от дома, но теперь это расстояние показалось многими милями. Даже после кофе, яичницы и кукурузной каши с сыром она так окончательно и не ощутила себя человеком. Но дождь понемногу стихал. Робко проглядывало солнце.

Ти́ра была все еще не в состоянии иметь дело с Сарой.

Более разумным представлялось заглянуть в кино. Кинотеатр располагался еще в шести кварталах, но она поспела akurat к первому сеансу, остановившись перед афишами, чтобы определиться с выбором.

«КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ».

«ИЗБАВЛЕНИЕ»¹⁰.

Выбрала второе, поскольку Бёрт Рейнольдс выглядел просто *отпадно*. Когда фильм кончился, она купила шоколадный батончик с банкой колы и посмотрела и вторую картину. Внутри было прохладно. Темно. Пусть даже так, но все равно потребовалась пара бокальчиков

¹⁰ «Избавление» (англ. *Deliverance*) – фильм ужасов 1972 г. На группу молодых мужчин, отправившихся в поход на каноэ, нападают одичавшие деревенщины, которые подвергают гомосексуальному насилию и убивают двоих из них, после чего начинается натуральная бойня в диких лесах. Самая знаменитая цитата из фильма, практически ставшая пословицей: «Гребни быстрее, я слышу банджо!»

винца в местном бистро, прежде чем она была готова опять попробовать с Сарой. Та была так несправедлива! Тира просто пыталась сделать ее жизнь хоть чуточку интереснее.

«Почти никаких наркотиков...»

«Да и с бухлом пора чуток притормозить...»

Она даже подумывала позвонить копам по поводу припаркованных машин, в которые врезалась. Сколько их там было? Пять? Шесть? Блин, да она могла раздолбать хоть пятнадцать! Да еще и убить кого-нибудь.

«Блин...»

Тира бросила деньги на стойку.

«Сара имеет полное право злиться».

Повторяя себе, что наконец-то готова ко всему, Тира направилась в сторону кондоминиума, но в результате четыре или пять раз обошла вокруг собственного квартала, не решаясь зайти внутрь. Солнце уже клонилось к закату, когда она остановилась и подняла взгляд на освещенное окно Сары. Занавески были задернуты, но подруга явно была там.

– О'кей, – сказала себе Тира. – Еще одна попытка.

Всю дорогу до двери Сары она старалась держать нервы в узде.

– Сара? Лапочка? Я знаю, что ты там.

– Уходи, Тира.

Она стучалась еще крепче целую минуту. В конце концов принялась уже колотить изо всех сил.

– Да господи, Сара, я пытаюсь извиниться! Открой дверь. Ладно тебе... – Прекратив дубасить в дверь, Тира раскинула пальцы по гладкой деревянной поверхности. – Ну почему ты не хочешь поговорить со мной?

Никто не понял бы ее нужду, но Сара была тем чутким прибором, при помощи которого она оценивала все, в чем успела напортачить в жизни: плохие приятели, просранная работа... С подобным молчаливым неодобрением до сих пор пришлось столкнуться всего лишь раз, когда Тира перегнула палку с употреблением наркотиков и сделала попытку зарабатывать на жизнь, продавая их. Она хорошо помнила ту ссору, перебранку.

«Твои родители – богачи! Попроси денег у них!»

Но как Тира сумела бы объяснить, откуда у нее все эти долги? И какого сорта людям она задолжала? Ее отец владел своим собственным предприятием и вдобавок вел службы в местной церкви. Достаточно паршиво уже и то, что она бросила колледж...

– Мне нужно умолять, Сара? Ты этого хочешь? Так я буду умолять. Клянусь, что буду!

– Ты не стала бы меня умолять, даже если б вся твоя жизнь зависела от этого! Ты слишком гордая, упертая и испорченная!

Тира прикрыла рот, подавляя внезапный всхлип, когда наконец повернулся ключ в замке и появилась щель с лицом Сары за ней.

– Ты могла убить кого-нибудь, неужели сама не понимаешь?

– Понимаю, лапушка. Честное слово, понимаю.

Сара открыла дверь на всю ширь. В пижаме, старом халате поверх.

– Ты сейчас трезвая?

– Ну разумеется! В смысле, два бокальчика вина... – Тара на пальцах показала, какие они были маленькие. Ей хотелось увидеть улыбку – хотя бы намек на улыбку. Улыбка означала прощение. Прощение означало, что она не потеряла свою единственную подругу.

– Я уже видела, как ты занимаешься всякой придурочной херней, Тира...

– Знаю, что видела.

– Тот байкер в прошлом году... Мухлежка с чеками... Героин...

– Теперь все это в прошлом, клянусь! – Подняв руку, Тира истово перекрестилась. Сара смягчилась, но выглядела усталой. Наверняка в том числе и из-за Тиры. – Я была плохой соседкой, я знаю. Я слишком много тратила. Слишком шумно развлекалась. Не давала тебе спать.

– Ты не *плохая*, – медленно произнесла Сара. – Все это потому, что у тебя просто ужасные взгляды на жизнь, ты не видишь границ и никак не учитываешь мнение окружающих.

– Позволить мне заглядить вину.

– И каким же образом?

– Пончики! С помадкой.

– Ну что ж, разве что если с помадкой...

Наконец появилась улыбка, и Тира захлопала в ладоши от радости.

– Да! Вот это план! Можем посидеть допоздна, посмотреть телик – все, что захочешь.

– Хотя никакой выпивки.

– Вот те крест! – Тира опять размашисто перекрестилась. – Двадцать минут, хорошо? Мне нужно в душ. Я вся грязная.

– А я пока сделаю чай.

Прошмыгнув в свою комнату, Тира подумала, что вот теперь можно и немного всплакнуть. Приняла душ, потом натянула расклешенные джинсы, футболку без лифчика. В кухне Сара обняла ее – как следует, крепко.

– Ты же знаешь, что я люблю тебя. Просто ты постоянно делаешь не тот выбор.

– С сегодняшнего дня с этим покончено. Богом клянусь. Начинаю новую жизнь. – Из-под ресниц выскользнула слеза; Тира не стала ее смахивать. – Сейчас сгоняю за пончиками.

– Бери сразу дюжину, – сказала Сара.

– Дюжину. Заметано.

– И себе тоже возьми...

Сара послала ей воздушный поцелуй, и Тира умчалась к выходу, не чувствуя под собой ног, что с ней уже очень давно не случилось.

Перебирая ключи, она двинулась по подъездной дорожке. «Мерседес» был слишком уж покорежен, чтобы на него рассчитывать, так что Тира пробралась за руль «жука» Сары – маленького бледно-кремового «Фольксвагена» с красными виниловыми сиденьями. Заблокировала дверцу, завела машину и, едва включив фары, тут же увидела прямо перед собой недокурный косяк – всего половинку, а может, даже и треть. Кончик его почернел и разломатился, когда Сара раздавила его в пепельнице несколько дней, а то и недель назад. Тира виновато присмотрелась сквозь ветровое стекло.

«Только пончики...»

Силы воли хватило у нее лишь на дорогу до магазина и половину пути назад. Окончательно сломалась она, остановившись на красный свет на перекрестке перед въездом в город. Это было бы классно, подумала Тира.

«Слегка раскумариться...»

«А потом поесть пончиков...»

Свет сменился на зеленый, но движения на дороге не было, так что она все держала ногу на сцеплении, размышляя обо всем этом.

«Это всего лишь косячок, и даже не целый...»

Свет успел смениться опять, когда Тира наконец прикурила его.

– Ох, блин... Да!

Дым покотился наружу, и ее голова откинулась назад. Она пыхнула еще разок и покатила с опущенными стеклами, прикончив косяк за пять кварталов, а потом остановилась у бензоколонки, чтобы купить жевательную резинку и глазные капли. Кассир пробил покупки, но делал это как-то медленно, не сводя глаз с ее лица и груди.

– Что-нибудь еще?

- «Кэмел» без фильтра.
- И всё?

Расплатившись с мужчиной, Тира показала ему «пацифик»¹¹, раздвинув рожками указательный и безымянный пальцы, и приоткрыла дверь попой, наслаждаясь тем, как он не сводит с нее глаз, произведенным впечатлением. Отсюда дорога была накатанной. Ей уже было плевать на Джейсона Френча – этого жалкого утырка, на потерянную работу, на родителей... Движение на улицах становилось все более плотным, но музыка была отличной, а теплый ветерок мягко ласкал лицо. Въезжая в свой район, Тира постукивала пальцами по рулю и подпевала радио, уже настолько под кайфом и счастливая, что совершенно не обратила внимания на припаркованный неподалеку автомобиль с сидящими в нем мужчинами. На подъездной дорожке она выбралась из «Фольксвагена», уже привычно повторяя про себя: «Это я-то под кайфом? Естественно, я не под кайфом... Да ладно тебе, Сара! Не говори глупостей...»

– Простите, мисс. – Мужской голос прервал эту мысленную репетицию. Владелец его с несколько виноватым видом стоял сбоку от подъездной дорожки – в штанах цвета хаки, рубашке на пуговицах и галстук-бабочке. – Простите, что беспокою, – добавил он, и Тира подумала: «Вот же славный пожилой дядька, чей-то супруг...»

– Да?

Он шагнул ближе.

– Не будете ли так добры взглянуть на одну фотографию?

– Что-то я не пойму...

– Это займет ровно секунду.

Ситуация была странной, но трава оказалась довольно забористой. «Ладно, без разницы...» – подумала Сара. Фотография, которую он ей показал, была маленькой, но уличный фонарь был совсем близко и светил достаточно ярко.

– Да это же Джейсон Френч... – Ее губы вдруг подозрительно сжались. – Это он вас послал? Можете передать этому сукину сыну, что у него уже был шанс. Скажите ему, что он говнюк и что может идти в жопу! Можете передать ему это от меня.

– А вы...

– А я Тира. И не делайте вид, будто вы не знаете.

Коротышка коротко кивнул, не обращая внимания на ее рассерженное выражение и убирая фото обратно в карман.

– Недавно я заметил молодую блондинку, входящую в этот кондоминиум. Это ваша соседка по квартире?

Тира присмотрелась, сбитая с толку всеми этими вопросами и кашей у себя в голове.

– Я не понимаю. А что...

– Пять футов семь дюймов. Стройная.

Тира начала было кивать, но что-то было не так с этим пожилым мужиком и его «секундой», и не только из-за выкуренной дури. Его глаза совершенно не соответствовали его наряду – они были слишком уж понимающими, – и вообще-то на самом деле он был не так уж и стар: такое впечатление производили лишь морщины у глаз и в уголках рта.

– Мне пора в дом. Меня подруга уже заждалась.

– Да, Сара. Замечательная девушка. В самом деле... замечательная.

Странный старик пожал плечами, и Тира отступила назад, вдруг испугавшись.

– Не подходите ко мне!

– Даже на шаг не подойду.

---

¹¹ «Пацифик» («знак мира», «знак победы») – пальцевый жест в виде буквы V, введенный в обращение хиппи и пацифистами. Показывается ладонью наружу, иначе получается даже еще более оскорбительный символ, чем выставленный средний палец.

– Мистер, я закричу!

Обернувшись, Тира увидела второго мужчину, настоящего великана с широким лицом и длинными всклокоченными патлами. Улица за спиной у него была пуста, и он тоже это прекрасно знал. Ухмылочка. Яркие глаза. Она подумала: «Это какая-то ошибка, недоразумение...»

Тот, что поменьше ростом, кивнул, как бы сочувственно.

– Лучше, если ты не будешь сопротивляться.

Тира бросила взгляд на окно Сары – такое близкое... Ей хотелось броситься бегом, но ноги словно налились свинцом. «Как во сне», – промелькнула у нее мысль; но эта ночь не была сном.

– Эй, дамочка, – произнес здоровяк, после чего ударил ее так быстро и сильно, что она упала на бетон, а боль в голове была такой, словно внутри что-то сломалось. Тира попыталась отползти, но крепкие руки подхватили ее, вздернули на ноги и затолкали на заднее сиденье машины Сары, опустили на коврик. Даже в этот момент ей было по-прежнему видно то самое окно. За ним скрывалась спальня Сары, симпатичная, с розовыми стенами и видом на парк через улицу. Тира вытянула к нему руку, когда кто-то снаружи произнес:

– Давай за мной. И не гони. И вот, держи, тебе это понадобится.

Автомобильчик завалился набок, когда здоровяк пролез за руль, обернулся на сиденье и ткнул пальцем в фотоаппарат «Полароид».

– Не шевелись.

Полыхнула вспышка, за чем послышалось тихое жужжание. Все еще протягивая руку к далекому высокому окну, Тира попыталась произнести имя своей соседки.

– Не болтай. Не люблю болтовни.

Маленький мотор завелся, зажглись фары. Тира опять произнесла имя Сары. Попыталась выкрикнуть его, но здоровяк опять резко обернулся и на ощупь нашел ее горло рукой. Тира попробовала было отбиваться, но он был очень силен, а ее пальцы совсем ослабели. Они лишь беспомощно царапали его руку. В глазах мигнула темнота.

Тира открыла рот, но не было воздуха.

Опять вспышка темноты.

И темнота так и осталась.

10

Вообще-то мальчишка был в целом неплохой, не какой-то там хулиган или прогульщик. Все, кто знал его, согласились бы с этим. Любознательный, но малость несобранный – из тех ребят, кто может забыть, что участвует в бейсбольном матче, и просто убрести с поля, чтобы поглазеть на раков в соседнем ручье. Такое уж раз бывало. В седьмом классе. В прошлом году. Да, он и впрямь поймал самого здорового лангуста, какого только видели в школе – даже учитель биологии это признал, – но они все равно продули тогда после двухочкового поп-флая¹², улетевшего точно под правую базовую линию. Тренер после этого с ним поговорил, объяснив в своей обычной тихой, терпеливой манере, что спортивная команда – это слаженная машина, что у каждого из ребят здесь своя задача. И правильно, сказал он, что все остальные на него разозлились. Главное – победа. И командный дух тоже. В ответ последовали кивки, равно как искренние извинения и обещания, что такого больше не повторится. Тренер все так же мягко улыбнулся, после чего отправил мальчишку к матери, думая о том же самом, что и все остальные.

«Неплохой, в общем-то, пацан».

«Но не семи пядей во лбу».

В то конкретное утро мальчишки не было на его обычном месте на остановке, когда к ней подкатил большой желтый автобус и распахнул двери. Он вышел из дома в четверть восьмого, но вместо того, чтобы свернуть вправо, свернул влево. Это не было ошибкой – он и в самом деле мог отличить лево от право, – но ребята постарше уже не раз рассказывали ему про заброшенную стройку, где на клочке изрытой земли они находили наконечники для стрел. Мальчишка любил наконечники для стрел – как и большинство мальчишек, – но для него все уходило гораздо глубже. Его дед был настоящим индейцем-чероки, прямым потомком представителей Восточного племени народа Чероки, которым не пришлось пройти по Тропе слёз¹³ еще в незапамятном тысяча восемьсот тридцать восьмом. Деда уже не было в живых, но мальчишка хорошо помнил его уроки.

«Гордость за народ».

«Гордость за место».

Наконечники для стрел и копий собирались и бережно хранились, не становясь объектами обмена наряду с книжками комиксов и открытками с портретами знаменитых бейсболистов. И он очень хорошо умел их искать. Когда строили бейсбольную площадку, к примеру. Или в тот раз, когда обмелела река. Они редко лежали плоско – вот в чем весь секрет. Неопытные поисковики высматривали характерный силуэт, словно эти наконечники нарочно выложили там для них чуть ли не вчера. У мальчишки хватало ума понимать, что это совсем не так. Он высматривал острые кромки, острия, крошечные фрагменты, поднявшиеся из почвы. Лучше всего было искать после проливного дождя, особенно на вспаханных полях и стройплощадках. Он не знал, насколько давно заброшена эта стройка, или почему ее забросили, да это его особо и не волновало.

Свернув с дороги, мальчишка срезал угол там, где заканчивался его микрорайон и вдаль, насколько хватало глаз, уходила четырехполосная автомагистраль. Стройплощадка была на другой ее стороне, милях в двух – незавершенное здание высотой в семь этажей: один лишь каркас с лифтовыми шахтами и бетонными лестничными пролетами. Это место, как ему гово-

¹² Поп-флай (англ. pop fly) в бейсболе – высоко летящий мяч, который достаточно легко поймать.

¹³ «Тропа слез» («Дорога слез») – этническая чистка и насильственное переселение американских индейцев, основную массу которых составили пять цивилизованных племен, из их исконных земель на юго-востоке США на Индейскую территорию на западе страны.

рили, располагалось прямо под ним – там, где срыли верхушку холма и разбросали грунт, чтобы заполнить соседний овраг. Прибыв на место, мальчишка остановился перед сетчатой оградой, протянувшейся параллельно дороге. Мимо проносились автомобили, но никто не замечал его и не притормаживал. Протиснувшись сквозь приоткрытые ворота, он двинулся по временной строительной дороге, не сводя глаз с обочины из красной земли. Больше всего мальчишке нравились зазубренные наконечники – с шипами у основания или по бокам, – но почти так же любил он и простенькие лавролистные, и иволистные. Даже черешковый или примитивный треугольный заставляли его сердце пропускать удар. Однажды он нашел кремневый нож и широченный доисторический метательный клинок длиной с собственную руку.

Лезвия топориков. Жернова. Скребки.

Все сгодится.

По этой причине мальчишка шел, глядя себе под ноги, и вначале скорее почувствовал здание, чем увидел его – темную массу, вздымающуюся ввысь. Не обращал на нее внимания, пока тень стены не коснулась его ног и он не увидел пустые строительные шприцы для заделки швов, банки из-под газировки и разбросанные заклепки. Ступив на холодный бетон, мальчишка присмотрелся сквозь паутину балок и тросов. Продвинулся глубже, хрустя ботинками по гравию и ощупывая руками бетон и проржавевшую сталь. Зашел за лестничный пролет и первым делом увидел кровь.

А после этого и девушку.

* * *

Детектив Френч принял вызов у себя дома.

– А-а, Кен! – произнес он. – Доброе утро.

– Не слишком-то доброе. – В трубке потрескивали помехи – звонили явно с радиотелефона. – Знаешь заброшенную стройку на краю шестнадцатого шоссе? Где застройщик обанкротился в прошлом году?

– Отель, вроде?

– Намечался отель, да.

– А что с ним?

– Ты мне здесь нужен.

– Зачем?

– Тело. Женское. Плохо дело.

– Погоди-ка, погоди... Блин! – Френч зажал трубку между ухом и плечом. Он жарил яичницу, и она уже подгорала. – Все нормально, Кен. Прости. Рассказывай, что там происходит.

Барклоу начал с мальчишки.

* * *

Махнув в воротах значком, Френч заехал на старую стройплощадку и издали сразу углядел темный силуэт, быстро превратившийся в маленького мальчишку, который сидел на земле, сгорбившись, задрав вверх колени и так сильно уткнув подбородок в костлявую грудь, как будто уже никогда не смог бы вновь поднять взгляд. Выбравшись из машины, Френч посмотрел на здание, а потом опять на мальчишку, разглядывая кроссовки, футболку, замызганные джинсы...

– Ты как, сынок? – Мальчишка не поднял взгляд и ничего не ответил. – Я – коп, хорошо? Я здесь, чтобы о тебе позаботиться.

По-прежнему ноль эмоций, даже в глазах. В тридцати ярдах от них Барклоу, который только что шагнул из недостроенного здания, махнул ему рукой.

– Жди здесь, – бросил Френч мальчишке. – Я скоро вернусь.

При виде напарника ему было трудно скрыть гнев.

– Этот пацан должен быть сейчас с кем-нибудь из взрослых! Со своими родителями. С сотрудником полиции. Хоть с кем-то.

– Пока нет.

– Почему? – Барклоу отвернулся, и Френч перехватил все исходящие от него сигналы.

– Все и вправду так плохо?

– Ты уже позавтракал? Потому что картина там... не самая аппетитная.

– Господи... Ладно. Это мальчишка звонил?

– Малыш забрел прямо в поток машин, и один из водителей едва не сбил его. Какая-то пожилая женщина. Бабушка. Она увела его с проезжей части и остановила патрульную машину. С кем-то из новичков. Добсон, по-моему. Это он сейчас стоит у ворот.

– Сегодня учебный день, время раннее... Этому мальчугану сколько? Двенадцать?

– Наверное. Может, и меньше.

– Что он тут тогда делает?

– Он вообще-то не говорит.

– Даже имя не назвал?

– Пока нет.

Френч обвел взглядом сорняки и рыхлую землю, разбросанный ветром мусор.

– А тут довольно тихо, Кен.

– Мне нужно, чтобы ты для начала посмотрел. Мне это и вправду *нужно*.

Френч нахмурился, когда в глубине здания перед ними открылась яма котлована. Мнение Барклоу было важнее всего остального, но правила существовали не без причины. На месте должны были быть и другие сотрудники – еще детективы, технари-криминалисты, – своя иерархия и субординация. До этого Кен вел себя подобным образом всего лишь раз, и то место преступления было настолько жутким, что большую часть подробностей пришлось скрыть не только от газет, но даже и от родственников жертвы.

– Хорошо, напарник. Сейчас я присоединюсь. Дай мне только секундочку с пацаном.

Френч подошел туда, где сидел мальчишка. Даже стоя, он мог чувствовать исходящий от того запах пота, видеть пыль в морщинках у него на лице.

– Ну как ты, малыш? – Он присел рядом с ним на корточки. – Не скажешь, как тебя зовут?

По-прежнему ноль эмоций.

Молчание.

– Ну ладно. Я вот тоже не из разговорчивых... Но все-таки: как насчет того, что здесь произошло? Можем про это поговорить? Или, может, про то, что ты здесь делаешь?

По-прежнему ничего.

Барклоу наблюдал за ними, покачивая головой.

– Не хочешь посидеть в моей машине? Там кондиционер. Всякие полицейские штуки. Это довольно круто.

Мальчишка пожал плечами.

Прогресс!

Френч помог пацану подняться и сесть в машину. Показал ему рацию, запасные наручники, дробовик, прикрепленный к приборной доске...

– Послушай, сынок. Мне нужно зайти внутрь...

Тот в ужасе помотал головой.

– Здесь ты в безопасности. Обещаю. Все вот это... – Он обвел рукой здание. – Все, что ты там видел, все, что там внутри, – это теперь моя проблема, лады? Не твоя. С концами.

Мальчишка отвернулся, отчаянно пытаясь не расплакаться.

– А ты жди здесь. – Френч похлопал его по коленке. – Потом еще поговорим, когда я вернусь.

Ребенок проводил его взглядом. Барклоу подждал Френча у входа в недостроенное здание, и тот последовал за ним в полутьму.

– Смотри не наступи на блевотину.

Френч перешагнул через бледную лужу.

– Пацана?

– Моя.

Этот односложный ответ был красноречивей любых других слов. Кен вот уже двадцать лет работал в отделе убийств. Воевал в Корее.

Продвигаясь дальше в глубь строения, он мотнул головой на лифтовую шахту.

– Нам вон туда. За северную лестницу.

Лестничная шахта поднималась на высоту всех семи этажей. За ней до самой далекой линии деревьев тянулись красная земля и кустарник. В последний раз повернув за угол, Френч увидел кровь на полу, красновато-черную, в основном засохшую. Прямо над ней на цепях, перекинутых через стальную балку, висела женщина. Его взгляд сначала остановился на ее ссаженных запястьях, а потом на мутных глазах. После этого он начал впитывать все, как губка: то, как ее пытали, терзали и резали. Пытался сохранять спокойствие, но Барклоу был прав.

Все обстояло хуже некуда.

* * *

Френчу даже пришлось отойти в сторонку. Когда он опять взял себя в руки, то вернулся на место преступления и изучил тело сверху донизу, уже ни от чего не отводя глаз – ни от крови и иссечений, ни от внутренних органов и костей, ни от кусочков похожей на розовый мрамор плоти.

Барклоу держался на расстоянии.

– Можешь себе представить мальчика? Найти ее в таком виде...

Френч обошел вокруг тела. Вокруг головы у женщины был обмотан серебристый строительный скотч, чтобы закрыть ей рот и не позволить кричать. Пальцы ног почти касались пола, и он увидел следы волочения. То, как она сопротивлялась. То, как она раскачивалась.

– Белая женщина. От двадцати пяти до двадцати восьми. – Френч искал утешения в привычной рутине, но все никак не мог его найти. – Господи, Кен... Я ничего подобного в жизни не видел! Вообще никогда, ничего даже близкого.

– Я пытался сосчитать порезы, пока тебя ждал. Остановился на девяноста семи. Вот дошел до, э-э... – Барклоу указал на сочащиеся пятна, где у нее были отрезаны груди. – Думаешь, она была еще жива, когда все это происходило?

– Не исключено.

Натянув резиновые перчатки, Френч сдвинул склеившиеся от крови волосы с лица трупа. Один глаз заплыл и напрочь закрылся, ноздри почернели от крови. Осмотрел скулы, уцелевший глаз... Что-то в этом лице почему-то казалось ему знакомым.

– Ты в порядке, Билл?

– Гм...

– В чем дело?

– Я просто, э-э... – Френч встряхнул головой, чтобы отогнать вдруг подступившую тошноту. Ткнул пальцем, но понятия не имел, смотрит Барклоу или нет. – Она прокусила скотч. Обручального кольца нет. Одежды нигде не видать?

– Пока нет.

Френч отступил от тела, донельзя потрясенный. Расстегнул воротничок.

- Не займешься пока окрестностями?
- Билл, ты неважно выглядишь.
- Поищи одежду, ладно? Мне нужна тут еще минутка.
- Ну да. Конечно. Как скажешь.

Барклоу скрылся в полутьме, а Френч сделал самый трудный вдох за всю свою жизнь в роли копа. Сосчитал до десяти, а потом второй раз приподнял голову женщины.

Да, он знал это лицо – они уже встречались.

Неделю назад, когда она трахалась с его сыном.

* * *

Через двадцать минут в недостроенном здании было буквально не протолкнуться от копов, криминалистов и медиков. Направляя их передвижения, Френч вроде идеально держал себя в руках; но в глубине души отчаянно боролся сам с собой.

«Тира...»

«Вот как ее зовут».

– При жертве были какие-то документы?

Френч повернулся к жарящему снаружи солнцу. Он не расслышал приближающиеся шаги.

– Простите, капитан. Что вы сказали?

– У нас уже есть имя? Адрес? Вы не нашли бумажник? Водительское удостоверение?

Дэвид Мартин подступил ближе – ясноглазый, узкоплечий мужчина лет пятидесяти с небольшим. Как руководитель отдела убийств, человеком он был компетентным, честным и башковитым. В общем и целом Френчу он нравился. Но только не сейчас.

– Нет, сэр. Никаких документов.

– А как насчет парнишки, который ее нашел?

Мальчишка все еще сидел в машине.

– Да пресса просто из штанов выпрыгнет! Сам знаешь.

– Да, сэр.

– Так что держи язык за зубами. Вы с Барклоу, медэксперт и я. – Он указал на других детективов. – Мы единственные, кто пока что видел тело, верно?

– И мальчишка.

– Да, и мальчишка, естественно.

– И еще Добсон, по-моему... Вид у него был довольно зеленый, когда я сюда приехал.

– Точно. Он ведь первым принял вызов. Черт... Не знаю, как долго получится все это скрывать.

Френч заглянул в темный дверной проем.

– Не забудьте фотографа, технарей, которые сейчас снимают «пальчики», и родителей мальчика, когда мы их отыщем.

– Мне нужно время. Поговори со своими людьми. Дай мне все, что можешь.

– Да, сэр.

– Господи, Билл... – Самообладание подвело капитана, и он промокнул пот с лица. – Как отец, как бы ты в таком случае поступил?

– Молча помолился бы и возблагодарил Господа за своих сыновей.

– У меня девчонки.

– Близняшки, если я правильно помню.

– Ты когда-нибудь видел нечто подобное? – Капитан не ждал ответа, так что Френч и не стал отвечать. – Ты знаешь, сколько времени я уже на этой работе? Наверное, слишком уж долго.

– Все у вас будет нормально.
– Но ты все уловил, верно? Я могу оставить все это на тебя?
– Естественно.
– Ну вот и отлично. Спасибо тебе. – Мартин наконец взял себя в руки, застегнул куртку. – Если я тебе вдруг понадобится, то буду в школе, а потом в отделе.
– В школе?
– По-моему, мне стоит обнять дочурок.
– Хорошая мысль.
– Да, и вот еще что, Билл...
– Да?
– Позвони, когда опознаете жертву. У нее есть родственники и друзья. Кто-то сейчас места себе не находит.
– Как только выясним имя.
Кивнув, капитан забрался в машину, и Френч посмотрел ему вслед. Где-то внутри ярилась все та же война.
«Ее зовут Тира...»
«Она встречалась с моим сыном...»

* * *

Когда Френч вернулся к своей машине, мальчишка немного порозовел.
– Не возражаешь, если я тут немного посижу? – Он скользнул за руль. – Прости, что тебе пришлось ждать. Там просто сумасшедший дом.
– Я видел.
– О, мы заговорили? – Френч постарался произнести это легким шутливым тоном, поскольку мальчишка по-прежнему выглядел хрупким, как стекло. – Помнишь, что я тебе говорил? Ты тут в безопасности. Плохие люди давно ушли.
– Да, сэр.
– Как тебя зовут?
– Сэмюэль.
– Ты тут живешь неподалеку, Сэмюэль?
Мальчишка назвал адрес. Френч знал это место.
– Я знаю, что сейчас должен быть в школе...
– Не волнуйся на этот счет. У тебя не будет неприятностей. Меня зовут Билл.
Мальчишка протянул маленькую руку, и они обменялись рукопожатием. Он чем-то напоминал Гибби в том же возрасте – тонкие плечи, такие же серьезные глаза...
– А твои родители знают, где ты?
Парень помотал головой.
– Не скажешь, как их зовут?
– У меня только мать.
– Ну, тогда как мать зовут...
– Кейт.
– Кейт. Отлично. Спасибо тебе, Сэмюэль. Не расскажешь мне, зачем ты сегодня утром пришел сюда?
– Ребята постарше сказали, что здесь можно найти наконечники для стрел.
– Нашел хоть что-нибудь?
Сэмюэль покачал головой, его глаза опять наполнились слезами.
– Я нашел...
– Всё нормально, Сэмюэль.

– Я нашел... Я нашел...
– Всё в порядке, сынок. Дыши. – Френчи обхватил его за узкие плечики, сжал. – Вдох, выдох... Вот и молодец.

* * *

Выплакавшись, мальчишка рассказал простую историю. Он хотел одно, а нашел совсем другое. Когда Сэмюэль закончил свой рассказ, Френч пересадил его в машину своей коллеги, женщины, у которой самой имелись дети. Это была хорошая мысль. Он понял это по глазам мальчишки.

После этого они срезали тело с потолка.

Для этого потребовались мощные кусачки-болторезы и трое мужчин с крепкими желудками. Когда убитую уложили в мешок и погрузили в фургон, Френч позвал медэксперта в тенек возле соседнего лестничного пролета. Малколм Фрай, маленький человечек с кофейной кожей и припорошенными сединой волосами, был настоящим мастером своего дела. Оба работали вместе уже как минимум лет десять.

– Что можете рассказать? – спросил Френч.

Фрай медленно стянул латексные перчатки. В глазах у него тлела такая же тоска, что и у мальчишки.

– С чего начать?

– Может, с причины смерти?

Медэксперт покачал головой и протер носовым платком очки в проволочной оправе.

– Сомневаюсь, что хотя бы один из этих порезов убил ее. Навскидку я сказал бы, что шок, кумулятивная травма¹⁴, значительная кровопотеря...

– Она была жива, пока все это проделывалось?

– Скорее всего.

---

¹⁴ *Кумулятивная травма* – в данном случае, психологическая травма вследствие длительного нахождения в неблагоприятных условиях без возможности изменить ситуацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.